

Царствование Императора Николая II

С. С. Ольденбургъ
томъ первый

С. С. ОЛЬДЕНБУРГЪ

Перед вами фрагмент книги Сергея Сергеевича Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» в двух томах. Основой для подготовки текста послужило репринтное воспроизведение издания Общества Русской Национальной и Патриотической Литературы (Мюнхень, 1949 г.).

«Царствование Императора Николая II» — Главное фундаментальное историческое исследование эпохи правления последнего русского Императора.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Томъ I

Чёрная Сотня
Нижний Новгородъ
2020

Предисловіе къ первому изданію, 1939 г.

Отъ Комитета по изданію исторіи царствованія Императора НИКОЛАЯ II

Выпуская настоящій историческій трудъ С. С. Ольденбурга, Комитетъ по изданію исторіи царствованія Императора Николая II видитъ въ нёмъ достойный памятникъ послѣднему Русскому Царю. Пусть по этой книгѣ новыя русскія поколѣнія знакомятся съ прошлымъ своей Родины и съ полной безпристрастностью отнесутся къ Тому, Кто стоялъ на голову выше своихъ современниковъ и Кого, увы, русскіе люди не сумѣли во время оцѣнить и, сплотившись вокругъ Трона, отстоять свою Родину отъ тѣхъ страшныхъ и гибельныхъ потрясеній, свидѣтелями коихъ Господь судилъ намъ быть.

Пусть эта книга станетъ настольной у каждого русскаго человѣка, считающаго себя русскимъ и болѣющаго о своей Родинѣ.

Всѣмъ Высокимъ Покровителямъ, Правительствамъ, организациямъ, воинскимъ частямъ и отдѣльнымъ жертвователямъ, содѣйствовавшимъ выходу Исторіи, глубокая благодарность, равно какъ и автору, вложившему въ неё столько души, труда и таланта.

Члены перваго Комитета по изданію
исторіи царствованія Императора Николая II:

Предсѣдатель Комитета
Князь **Никита Александровичъ**

Замѣститель Предсѣдателя **П. Скаржинскій**

Д. Абрамовичъ
Г.-л. И. Барбовичъ
М. Бодиско
Ген. Ст. Бошковицъ
Е. Брантъ
Бар. С. Буксгевденъ
В. Буцкой
Проф. Ф. Вербицкій
Викентій, Еп. Банатскій
Викторъ, Архіеп. Кит. и Пекинскій
Г.-л. Витковскій
Г.-л. Выгорницкій
Кн. М. Горчаковъ
Бар. Г. Гревеницъ
Пётръ Жильяръ
Проф. М. Зызыкинъ
Н. Котляревскій

А. Н. Крупенскій
А. фонъ Лампе
Ген. Драг. Милутиновичъ
А. Мясоѣдовъ
Несторъ, Арх. Камчат. и Сеульскій
С. Новаковъ
Ал. Пильцъ
А. П. Половцевъ
Проф. Г. Рейнъ
Кн. М. Святополкъ-Мирская
Вл. Стефановичъ
Н. Тальбергъ
Гр. Д. С. Шереметевъ
Бар. Р. Штакельбергъ
А. фонъ Штубендорфъ
Кн. З. Юсупова

Управляющій дѣлами **М. Павловичъ**
Казначей **С. Кондратьевъ**
Секретарь **Г. Любарскій**

За время работъ Комитета скончались нижеслѣдующіе его члены: **А. К. Баіовъ, П. Л. Баркъ, В. І. Гурко, Д. В. День, М. К. Дитерихсъ, А. А. Катенинъ, Х. П. Кристи, Св. Кн. А. П. Ливень, В. В. Муравьевъ-Апостоль-Коробинъ и М. М. Ненадичъ.**

Предисловіе

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ живѣмъ въ совѣтскомъ историческомъ нарративѣ, гдѣ исторія Поздней Имперіи — это исторія безконечнаго безпощаднаго Мордора, предводительствуемаго безвольнымъ и одновременно кровавымъ Императоромъ. Суть совѣтской исторической науки (и науки постсовѣтской, бережно сохранившей „преданья красной старины“) — оправданіе Октябрьской революціи путѣмъ расписыванія Россійской Имперіи въ какъ можно болѣе мрачныхъ тонахъ, „тюрьма народовъ, циркъ уродовъ“. Съ другой стороны, набираютъ популярность монархическія толкованія нашей исторіи съ радикально православныхъ позицій, гдѣ Николай II объявляется святымъ великомученикомъ (представители РПЦ при этомъ корректно умалчиваютъ, что послѣ Февраля они первыми вынесли тронъ Императора изъ зала засѣданій Святейшаго Синода, откровенно привѣтствуя государственный переворотъ). Въ обоихъ случаяхъ образъ Николая II искажѣнъ такъ сильно, что вызываетъ моментальное неприятие у любого критически мыслящаго человека.

Межъ тѣмъ Николай II не былъ ни кровавой тряпкой, ни святымъ. Это былъ умный, жѣсткій и хитрый человекъ, который вывелъ нашу страну въ финалъ Великой Игры Великихъ Державъ. И проигралъ всё. „Царствование Николая II“ Сергѣя Сергѣевича Ольденбурга — книга, которая возвращаетъ намъ реальную исторію Россійской Имперіи и реальную личность правившаго ею Императора. Безъ идиотничанья, безъ передѣргиванія, безъ рассказовъ про ужасы и чудеса, но съ цифрами, съ фактами, со множествомъ мельчайшихъ подробностей, описанныхъ живымъ языкомъ, и, самое главное, съ обильными цитатами изъ тогдашнихъ газетъ и документовъ, дающихъ

почувствовать духъ времени, духъ эпохи. „Царствование“ — абсолютно академическій трудъ, но при этомъ живой, яркій, переносящій васъ во время чтенія въ начало XX вѣка, заставляя ощутить пульсъ жизни гигантской Имперіи, готовящейся къ Великой Войнѣ. Сухіе факты оживаютъ, абстрактныя цифры раскрываются въ объёмныя, величественныя картины, и, казалось бы, навсегда ушедшая страна возстаётъ изъ пепла передъ вашимъ внутреннимъ взоромъ.

Я специально пишу это предисловіе въ расчётъ на неподготовленного читателя: среди профессиональных историковъ трудъ Сергѣя Сергѣевича до сихъ поръ считается едва ли не самымъ лучшимъ и самымъ подробнымъ описаніемъ царствования Николая II, въ академической средѣ Ольденбургъ не нуждается въ представленіи. Обычному читателю же слѣдуетъ знать, что Ольденбургъ былъ профессоромъ исторіи, публицистомъ, послѣдовательнымъ русскимъ націоналистомъ и сторонникомъ великаго Столыпина. Само собой, что послѣ Октября Сергѣй Сергѣевичъ воевалъ до самаго конца въ Бѣлой арміи съ Врангелемъ, не смогъ эвакуироваться изъ-за тифа и былъ вынужденъ пробираться изъ Крыма въ Финляндію, чтобы уйти отъ неминуемой расправы со стороны красныхъ. Представленный вамъ трудъ былъ написанъ Сергѣемъ Сергѣевичемъ уже въ Парижѣ, на основѣ архивовъ русскаго посольства, которые вплоть до признанія СССР Франціей (а это ажъ 1925 годъ) оставались въ рукахъ Маклакова, всячески содѣйствовавшего Сергѣю Сергѣвичу въ его работѣ.

Причѣмъ по окончанію работы надъ „Царствованиемъ“ Сергѣй Сергѣевичъ переслалъ использованные имъ документы въ Стэнфордскій университетъ (США), поэтому совѣтскіе историки въ принципѣ не могли написать трудъ такого объѣма и такого качества, будучи лишѣнными использованныхъ Ольденбургомъ источниковъ. Въ Россіи „Царствование“ впервые было издано въ 1991 году, съ тѣхъ поръ выдержало множество изданій и прямо сейчасъ лежитъ передъ вами въ роскошной обложкѣ съ роскошнымъ оформленіемъ какъ зримый символъ возвращенія нашей русской національной исторіи, написанной съ нашей русской національной точки зрѣнія.

Я обещаю, что вы получите огромное удовольствіе отъ чтенія этой книги, что она васъ удивитъ, обрадуетъ, огорчитъ,

что отдѣльные фрагменты изъ нея вы будете зачитывать своимъ друзьямъ и членамъ семьи, а тысячи фактовъ, цифръ и просто мѣткихъ афоризмовъ застрянутъ въ вашей головѣ и будутъ вспоминаться спустя мѣсяцы и годы. Я обещаю, что „Царствованіе“ дастъ вамъ не только новыя знанія, но и новыя эмоціи. Эмоціи возвращенія Родины, эмоціи возвращенія домой, пусть даже пока что только на бумажныхъ страницахъ.

Если вы вдругъ захотите прочесть одну-единственную книгу о Россіи начала XX вѣка, то этой книгой, конечно же, должно стать „Царствованіе“ Ольденбурга.

Егоръ Просвирнинъ,
писатель и публицистъ

Біографія автора

Сергѣй Сергѣевичъ Ольденбургъ родился 17 іюня 1888 года въ Крестецкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи въ семьѣ потомственного дворянина Лифляндской губерніи Сергѣя Ѳеодоровича Ольденбурга и Александры Павловны Ольденбургъ (урожденной Тимофеевой).

Семья Сергѣя Сергѣевича по восходящей мужской линіи происходила изъ стариннаго мекленбургскаго дворянскаго рода, представители котораго переселились въ Россію во времена правленія Петра I и являли собой прекрасный примѣръ достойнаго служенія русской Императорской Фамиліи. Прадѣдъ С. С. Ольденбурга Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ служилъ генераломъ отъ инфантеріи. Дѣдъ, также Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, былъ полковникомъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка и вышелъ въ отставку генераль-майоромъ. Отецъ Сергѣй Ѳеодоровичъ сталъ извѣстнымъ учёнымъ-востоковѣдомъ, членомъ Императорской Академіи Наукъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Братъ отца, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, былъ извѣстнымъ въ Тверской губерніи педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Послѣ смерти матери С. С. Ольденбурга заботу о маленькомъ Серёжѣ взяли на себя друзья отца (семья московскаго преподавателя профессора В. И. Вернадскаго и петербургскаго профессора И. М. Гревса). Это была группа друзей подъ кличкой „Пріютино“ (С. Ѳ. и Ѳ. Ѳ. Ольденбурги, И. М. Гревсъ съ женой, В. И. Вернадскій съ женой, князь Д. И. Шаховскій, А. А. Корниловъ). Въ дѣтскіе годы Сергѣй Сергѣевичъ Ольденбургъ обучался дома. Въ маѣ 1906 года, въ возрастѣ 17 лѣтъ, С. С. Ольденбургъ подвергся испытанію зрѣлости въ Тверской гимназіи и былъ принятъ въ число студентовъ Императорскаго

Московского университета на юридический факультет, на котором он проучился по 1910 год. В 1910/1911 учебном году был переведён на историко-филологический факультет, откуда уволился из числа студентов по личному прошению 7 февраля 1911 года. Причины, побудившие С. С. Ольденбурга покинуть стены Императорского Московского университета, увы, неизвестны.

В начале августа 1913 года Сергей Ольденбург пишет прошение о зачислении его в студенты по юридическому факультету Императорского С.-Петербургского университета. Интересно отметить, что в этом прошении С. С. Ольденбург указывает адрес своего столичного проживания: Санкт-Петербург, Васильевский остров, Академия Наук, кв. 29. По-видимому, Сергей Сергеевич в это время проживает в квартире своего отца, который на тот момент уже является ординарным академиком Императорской Академии Наук и членом Государственного Совета. Пятого августа того же года указанное прошение находит удовлетворение. В конце сентября 1913 года Сергей Ольденбург сочетается браком с дочерью коллежского асессора Адой Дмитриевной Старынкевич, само же венчание происходит в стенах университетской церкви.

По окончании своего образования С. С. Ольденбург становится чиновником по Министерству Финансов Российской Империи. В 1916–1917 годах служить в бюро по изучению экономической и финансовой жизни западных стран во время войны при общей канцелярии министра финансов.

В отличие от отца, придерживавшегося либеральных политических взглядов, Сергей Сергеевич с молодых лет придерживался правых взглядов, был близок к партии „Союз 17 октября“, симпатизировал председателю Совета Министров П. А. Столыпину. После революционных событий 1917 года и начала Гражданской войны, С. С. Ольденбург, оставаясь убеждённым монархистом, в 1918 году уезжает на юг России, где присоединяется к Белому движению. В 1919 году Сергей Сергеевич исполняет обязанности секретаря редакции газеты „Великая Россия“, выходившей в Ростове. Во время отступления Белой армии из Ростова, больной тифом С. С. Ольденбург был вынужден остаться

в больницу, откуда после захвата города Красной армией попадает в плен к большевикам. Выздоровев, Сергею Сергеевичу удаётся пробраться в Петроград и поселиться в квартире отца, успевшего приспособиться к большевикам и сумевшего сохранить за собой казённую квартиру секретаря Академии Наук. Остро разойдясь с отцом в вопросе принятия большевизма, Сергей Сергеевич иммигрирует сначала в Финляндию, затем в Германию. Прожив несколько лет в Берлине и Праге, в середине 20-х годов С. С. Ольденбург перебирается в культурную столицу русской иммиграции — Париж.

С момента переезда в Париж и до конца своей жизни Сергей Сергеевич Ольденбург превращается из некогда скромного чиновника Министерства Финансов в политического журналиста, темпераментного публициста и, наконец, в профессионального историка. В эти годы С. С. Ольденбург трудится в редакции русской иммигрантской газеты „Возрождение“, в 1922 году становится секретарём Русского народно-монархического союза (конституционных монархистов) и членом Парижского Союза освобождения и воссоздания Родины. В 1928–1934 годах является членом редакционного комитета газеты „Россия и Славянство“. Но самым главным трудом парижской да и всей жизни Сергея Сергеевича Ольденбурга стало написание фундаментального исследования, которое Вы сейчас держите в руках.

Работа над этим поистине капитальным трудом была выполнена Сергеем Сергеевичем Ольденбургом по заказу Высшего монархического совета на основе документов, хранившихся в русском посольстве в Париже и неизвестных советским историкам. Основой для книги С. С. Ольденбурга стали воспоминания современников событий (А. Н. Куропаткина, С. Ю. Витте), опубликованные материалы Временной Чрезвычайной следственной комиссии (ВЧСК) Временного правительства и переписка Николая II с различными лицами (матерью, вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной; супругой, императрицей Александрой Фёдоровной; министрами), стенограммы заседаний Государственной Думы. Также в качестве источника Ольденбург использовал периодические издания эпохи царствования Николая II.

Первый томъ „Царствованія...“ впервые былъ изданъ въ началѣ 1940 года въ Бѣлградѣ. Второй томъ, хотя и былъ сданъ въ типографію въ томъ же 1940 году, въ связи съ началомъ Второй міровой войны и нападеніемъ Германіи на Югославію, былъ напечатанъ только въ 1949 году.

Умеръ Сергѣй Сергѣевичъ Ольденбургъ въ пасхальную ночь 28 апрѣля 1940 года въ Парижѣ. Его супруга Ада Дмитріевна умерла въ 1946 году. За годы совмѣстной жизни у С. С. Ольденбурга съ женой родилось двое сыновей и двѣ дочери, одна изъ которыхъ — Зоя Сергѣевна Ольденбургъ (1916–2002) — стала историкомъ Средневѣковья, извѣстной французской писательницей и авторомъ многочисленныхъ книгъ о крестовыхъ походахъ, катарахъ и альбигойцахъ.

Біографія представлена А. И. Шанявскимъ и подготовлена съ помощью матеріаловъ личнаго дѣла студента Императорскаго С.-Петербургскаго университета С. С. Ольденбурга (ф. 14, оп. 3, д. 62297), хранящагося въ Центральномъ государственномъ историческомъ архивѣ Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

С. С. Ольденбургъ.

ЧАСТЬ I

Самодержавное правленіе 1894–1904

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Манифестъ о восшествіи Государя на престолъ. — Оцѣнка царствованія Императора Александра III (В. О. Ключевскій, К. П. Побѣдоносцевъ). — Общее положеніе въ 1894 г.

Россійская Имперія. — Царская власть. — Чиновничество. — Тенденціи правящихъ круговъ: „демофильская“ и „аристократическая“. — Внѣшняя политика и франко-русскій союзъ.

Армія. — Флотъ. — Мѣстное самоуправленіе. — Финляндія. — Печать и цензура. — Мягкость законовъ и суда. — Культурный уровень. — Литература къ началу 90-хъ годовъ. — Искусство.

Положеніе сельскаго хозяйства. — Ростъ промышленности. — Постройка жел. дорогъ; Великій Сибирскій путь. — Бюджетъ. — Внѣшняя торговля.

Рознь между властью и образованнымъ обществомъ. — Отзывъ К. Н. Леонтьева.

„Богу Всемогущему угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшей Семьей Своей, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ.

„Горя Нашего не выразить словами, но его поймѣтъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слѣзы

по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силою Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ все помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду, и миръ, ни разу не нарушенный во все Его Царствованіе“.

Этими словами начинается манифестъ, возвѣстившій Россіи о восшествіи Императора Николая II на прародительскій престолъ.

Правленіе Императора Александра III, получившаго наименованіе Царя-Миротворца, не изобиловало внѣшними событіями, но оно положило глубокий отпечатокъ на русскую и на міровую жизнь. За эти тринадцать лѣтъ были завязаны многіе узлы — и во внѣшней, и во внутренней политикѣ — развязать или разрубить которые довелось Его сыну и преемнику, Государю Императору Николаю II Александровичу.

И друзья, и враги Императорской Россіи одинаково признаютъ, что Императоръ Александръ III значительно повысилъ международный вѣсъ Россійской Имперіи, а въ ея предѣлахъ утвердилъ и возвеличилъ значеніе самодержавной Царской власти. Онъ повѣлъ русскій государственный корабль инымъ курсомъ, чѣмъ Его отецъ. Онъ не считалъ, что реформы 60-хъ и 70-хъ годовъ — безусловное благо, а старался внести въ нихъ тѣ поправки, которыя, по Его мнѣнію, были необходимы для внутренняго равновѣсія Россіи.

Послѣ эпохи великихъ реформъ, послѣ войны 1877–78 годовъ, этого огромнаго напряженія русскихъ силъ въ интересахъ балканскаго славянства, — Россіи во всякомъ случаѣ была необходима передышка. Надо было освоить, „переварить“ произошедшіе сдвиги.

Въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, при Московскомъ университетѣ, извѣстный русскій историкъ, проф. В. О. Ключевскій, въ своемъ словѣ памяти Императора Александра III, черезъ недѣлю послѣ Его кончины, сказалъ:

„Въ царствованіе Императора Александра II мы на глазахъ одного поколѣнія мирно совершили въ своемъ государственномъ строѣ рядъ глубокихъ реформъ въ духѣ христіанскихъ

правиль, слѣдовательно, въ духѣ европейскихъ началъ — такихъ реформъ, какія стоили Западной Европѣ вѣковыхъ и часто бурныхъ усилій, а эта Европа продолжала видѣть въ насъ представителей монгольской косности, какихъ-то навязанныхъ пріемышей культурнаго міра...

„Прошло 13 лѣтъ царствованія Императора Александра III, и чѣмъ торопливѣе рука смерти спѣшила закрыть Его глаза, тѣмъ шире и изумленнѣе раскрывались глаза Европы на міровое значеніе этого недолгаго царствованія. Наконецъ и камни возопіяли, органы общественнаго мнѣнія Европы заговорили о Россіи правду, и заговорили тѣмъ искреннѣе, чѣмъ неприличнѣе для нихъ было говорить это. Оказалось по этимъ признаніямъ, что европейская цивилизація недостаточно и неосторожно обезпечила себѣ мирное развитіе, для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ, что горящій фитиль не разъ съ разныхъ сторонъ приближался къ этому опасному оборонительному складу и каждый разъ заботливая и терпѣливая рука русскаго Царя тихо и осторожно отводила его... Европа признала, что Царь русскаго народа былъ и государемъ международнаго міра, и этимъ признаніемъ подтвердила историческое призваніе Россіи, ибо въ Россіи, по ея политической организаціи, въ волѣ Царя выражается мысль Его народа, и воля народа становится мыслью его Царя. Европа признала, что страна, которую она считала угрозой своей цивилизаціи, стояла и стоитъ на ея стражѣ, понимаетъ, цѣнитъ и оберегаетъ ея основы не хуже ея творцовъ; она признала Россію органически необходимой частью своего культурнаго состава, кровнымъ, природнымъ членомъ семьи своихъ народовъ...

„Наука отвѣдѣтъ Императору Александру III подобающее мѣсто не только въ исторіи Россіи и всей Европы, но и въ русско-й исторіографіи, скажетъ, что Онъ одержалъ побѣду въ области, гдѣ всего труднѣе достаются эти побѣды, побѣдилъ предрасудокъ народовъ и этимъ содѣйствовалъ ихъ сближенію, покорилъ общественную совѣсть во имя мира и правды, увеличилъ количество добра въ нравственномъ оборотѣ чело-вѣчества, ободрилъ и приподнялъ русскую историческую мысль, русское національное самосознаніе, и сдѣлалъ всё это такъ тихо и молчаливо, что только теперь, когда Его уже нѣтъ, Европа поняла, чѣмъ Онъ былъ для нея“.

Если профессоръ Ключевскій, русскій интеллигентъ и скорѣе „западникъ“, останавливается больше на внѣшней политикѣ Императора Александра III и видимо намекаетъ на сближеніе съ Франціей, о другой сторонѣ этого царствованія въ сжатой и выразительной формѣ высказался ближайшій сотрудникъ покойнаго Монарха, К. П. Побѣдоносцевъ:

„Всѣ знали, что не уступить онъ Русскаго, исторіей завѣщаннаго интереса ни на Польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранить онъ въ душѣ своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ Церкви Православной; наконецъ, что онъ заодно съ народомъ вѣруетъ въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи и не допустить для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній“.

Въ засѣданіи французскаго Сената, его предсѣдатель Шальмель-Лакуръ сказалъ въ своей рѣчи (5 ноября 1894 г.), что русскій народъ переживаетъ скорбь утраты властителя, безмѣрно преданнаго его будущему, его величію, его безопасности; русская нація подъ „справедливой и миролюбивой властью своего императора пользовалась безопасностью, этимъ высшимъ благомъ общества и орудіемъ истиннаго величія“.

Въ такихъ же тонахъ отзывалась о почившемъ русскомъ Царѣ большая часть французской печати: „Онъ оставляетъ Россію болѣе великой, чѣмъ её получилъ“, — писалъ „Journal des Débats“; а „Revue des deux Mondes“ вторила словамъ В. О. Ключевскаго: „Это горе было и нашимъ горемъ; для насъ оно приобрѣло національный характеръ; но почти тѣ же чувства испытывали и другія націи... Европа почувствовала, что она теряетъ арбитра, который всегда руководился идеей справедливости“.

1894-й годъ — какъ вообще 80-е и 90-е года — относится къ тому долгому періоду „затишья передъ бурей“ — самому долгому періоду безъ большихъ войнъ въ новой и средневѣковой исторіи. Эта пора наложила отпечатокъ на всѣхъ, кто вырасталъ въ эти годы затишья. Къ концу XIX-го вѣка ростъ матеріальнаго благосостоянія и внѣшней образованности шѣлъ съ возрастающимъ ускореніемъ. Техника шла отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію, наука отъ открытія къ открытію. Желѣзныя дороги, пароходы уже сдѣлали возможнымъ „путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней“; вслѣдъ за телеграфными проволоками

по всему міру уже протягивались нити телефонных проводов. Электрическое освѣщеніе быстро вытѣсняло газовое. Но въ 1894 г. неуклюжіе первые автомобили ещё не могли конкурировать съ изящными колясками и каретами; „живая фотография“ была ещё въ стадіи предварительныхъ опытовъ; управляемые воздушные шары были только мечтой; объ аппаратахъ тяжелье воздуха ещё не слыхали. Не было изобрѣтено радіо, и не былъ ещё открытъ радій...

Почти во всѣхъ государствахъ наблюдался одинъ и тотъ же политическій процессъ: ростъ вліянія парламента, расширение избирательнаго права, переходъ власти къ болѣе лѣвымъ кругамъ. Противъ этого теченія, казавшагося въ то время стихійнымъ ходомъ „историческаго прогресса“, никто на Западѣ, въ сущности, не вѣлъ реальной борьбы. Консерваторы, сами постепенно линяя и „лѣвѣя“, довольствовались тѣмъ, что временами замедляли темпъ этого развитія, — 1894 г. въ большинствѣ странъ какъ разъ засталъ такое замедленіе.

Во Франціи, послѣ убійства президента Карно и ряда безсмысленныхъ анархическихъ покушеній, вплоть до бомбы въ Палатѣ Депутатовъ и пресловутаго Панамскаго скандала, которыми ознаменовалось начало 90-хъ годовъ въ этой странѣ, произошёлъ какъ разъ небольшой сдвигъ вправо. Президентомъ былъ Казиміръ Перье, правый республиканецъ, склонный къ расширенію президентской власти; управляло министерство Дюпои, опиравшееся на умѣренное большинство. Но „умѣренными“ уже въ ту пору считались тѣ, кто въ 70-е годы были на крайней лѣвой Національнаго Собранія; какъ разъ незадолго передъ тѣмъ — около 1890 г. — подъ вліяніемъ совѣтовъ папы Льва XIII, значительная часть французскихъ католиковъ перешла въ ряды республиканцевъ.

Въ Германіи, послѣ отставки Бисмарка, вліяніе Рейхстага значительно возросло; социаль-демократія, постепенно завоевывавшая всѣ большіе города, становилась самой крупной германской партіей. Консерваторы, со своей стороны, опираясь на прусскій ландтагъ, вели упорную борьбу съ экономической политикой Вильгельма II. За недостатокъ энергіи въ борьбѣ съ социалистами канцлеръ Каприви въ октябрѣ 1894 г. былъ замѣненъ престарѣлымъ княземъ Гогенлоэ; но какой-либо замѣтной перемѣны курса отъ этого не получилось.

Въ Англіи, въ 1894 г. на ирландскомъ вопросѣ потерпѣли поражение либералы, и у власти находилось „промежуточное“ министерство лорда Розбери, которое скоро уступило мѣсто кабинету лорда Сольсбери, опиравшемуся на консерваторовъ и либераловъ-унионистовъ (противниковъ ирландскаго самоуправления). Эти унионисты, во главѣ съ Чемберленомъ, играли настолько видную роль въ правительственномъ большинствѣ, что вскорѣ имя унионистовъ вообще лѣтъ на двадцать вытѣснило названіе консерваторовъ. Въ отличіе отъ Германіи, англійское рабочее движеніе ещё не носило политическаго характера, и мощные трэдъ-юніоны, уже устраивавшіе весьма внушительныя забастовки, довольствовались пока экономическими и профессиональными достиженіями — встрѣчая въ этомъ больше поддержки у консерваторовъ, нежели у либераловъ. Этими соотношеніями объясняется фраза виднаго англійскаго дѣятеля того времени: „Всѣ мы теперь социалисты...“

Въ Австріи и въ Венгріи парламентское правленіе было ярче выражено, чѣмъ въ Германіи: кабинеты, не имѣвшіе большинства, должны были уходить въ отставку. Съ другой стороны, самъ парламентъ противился расширенію избирательнаго права: господствующія партіи боялись утратить власть. Къ моменту кончины Императора Александра III въ Вѣнѣ правило недолговѣчное министерство кн. Виндишгреца, опиравшееся на весьма разнородные элементы: на нѣмецкихъ либераловъ, на поляковъ и на клерикаловъ.

Въ Италіи, послѣ періода господства лѣвыхъ съ Джолитти во главѣ, послѣ скандала съ назначеніемъ въ Сенатъ проворовавшагося директора банка Танлонго, въ началѣ 1894 г. пришёлъ снова къ власти старый политическій дѣятель Криспи, одинъ изъ авторовъ Тройственнаго союза, въ особыхъ итальянскихъ парламентскихъ условіяхъ игравшій роль консерватора.

Хотя II-й Интернаціональ былъ уже основанъ въ 1889 г. и социалистическія идеи получали въ Европѣ всё большее распространеніе, къ 1894 г. социалисты ещё не представляли собою серьёзной политической силы ни въ одной странѣ, кромѣ Германіи (гдѣ въ 1893 г. они провели уже 44 депутата). Но парламентарный строй во многихъ малыхъ государствахъ — Бельгіи, Скандинавскихъ, Балканскихъ странахъ — получилъ ещё болѣе прямолинейное примѣненіе, чѣмъ у великихъ державъ.

Кромѣ Россіи, только Турція и Черногорія изъ европейскихъ странъ вовсе не имѣли въ то время парламентовъ.

Эпоха затишья была въ то же время эпохой вооружённого мира. Всѣ великія державы, а за ними и малыя, увеличивали и усовершенствовали свои вооруженія. Европа, какъ выразился В. О. Ключевскій, „для собственной безопасности помѣстилась на пороховомъ погребѣ“. Всеобщая воинская повинность была проведена во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы, кромѣ островной Англіи. Техника войны не отставала въ своёмъ развитіи отъ техники мира.

Взаимное недовѣріе между государствами было велико. Тройственный союзъ Германіи, Австро-Венгріи и Италіи казался наиболѣе мощнымъ сочетаніемъ державъ. Но и его участники не вполне полагались другъ на друга. Германія до 1890 г. ещё считала нужнымъ „перестраховаться“ путѣмъ тайнаго договора съ Россіей, — и Бисмаркъ видѣлъ роковую ошибку въ томъ, что Императоръ Вильгельмъ II не возобновилъ этого договора, — а съ Италіей не разъ вступала въ переговоры Франція, стремясь оторвать её отъ Тройственного союза. Англія пребывала въ „великолѣпномъ одиночествѣ“. Франція таила незажившую рану своего пораженія въ 1870–71 г. и готова была примкнуть ко всякому противнику Германіи. Жажда реванша ярко проявилась въ концѣ 80-хъ годовъ успѣхами буланжизма.

Раздѣлъ Африки былъ въ общихъ чертахъ законченъ къ 1890-му году, по крайней мѣрѣ на побережьяхъ. Внутрь материка, гдѣ ещё оставались неизслѣдованныя области, отовсюду стремились предприимчивые колонизаторы, чтобы первыми поднять флагъ своей страны и закрѣпить за ней „ничьи земли“. Только на среднемъ теченіи Нила путь англичанамъ ещё преграждало государство махдистовъ, фанатиковъ-мусульманъ, въ 1885 г. одолѣвшихъ и убившихъ при взятіи Хартума англійскаго генерала Гордона. И горная Абиссинія, на которую начинали свой походъ итальянцы, готовила имъ неожиданно мощный отпоръ.

Всѣ это были только островки — Африка, какъ раньше Австралія и Америка, становилась достояніемъ бѣлой расы. До конца XIX-го вѣка преобладало убѣжденіе, что и Азію постигнетъ та же участь. Англія и Россія уже слѣдили другъ за другомъ черезъ тонкій барьеръ слабыхъ ещё самостоятельныхъ

государствъ, Персіи, Афганистана, полунезависимаго Тибета. Ближе всего дошло до войны за всё царствованіе Императора Александра III, когда въ 1885 г. генераль Комаровъ подъ Кушкой разгромилъ афганцевъ: англичане зорко наблюдали за „воротами въ Индію“! Однако острый конфликтъ былъ разрѣшёнъ соглашеніемъ 1887 г.

Но на Дальнемъ Востокѣ, гдѣ ещё въ 1850-хъ годахъ русскіе безъ борьбы заняли принадлежавшій Китаю Уссурійскій край, дремавшіе народы какъ разъ зашевелились. Когда умиралъ Императоръ Александръ III, на берегахъ Жёлтаго моря гремѣли пушки: маленькая Японія, усвоившая европейскую технику, одерживала свои первыя побѣды надъ огромнымъ, но ещё недвижнымъ Китаемъ.

Въ этомъ мірѣ Россійская Имперія, съ ея пространствомъ въ двадцать милліоновъ квадратныхъ вёрстъ, съ населеніемъ въ 125 милліоновъ человекъ, занимала видное положеніе. Со времени Семилѣтней войны, а въ особенности съ 1812 года военная мощь Россіи цѣнилась весьма высоко въ Западной Европѣ. Крымская война показала **предѣлы** этой мощи, но въ то же время и подтвердила ея прочность. Съ тѣхъ поръ — эпоха реформъ, въ томъ числѣ и въ военной сферѣ, создала новыя условія для развитія русской силы.

Россію за это время начали серьёзно изучать. А. Леруа-Болье на французскомъ языкѣ, сэръ Д. Маккензи-Уоллесъ на англійскомъ издали большія изслѣдованія о Россіи 1870–80-хъ годовъ. Строеніе Россійской Имперіи весьма существенно отличалось отъ западноевропейскихъ условій, но иностранцы тогда уже начали понимать, что рѣчь идётъ о несходныхъ, а не объ „отсталыхъ“ государственныхъ формахъ.

„Россійская Имперія управляется на точномъ основаніи законовъ, отъ Высочайшей власти исходящихъ. Императоръ есть монархъ самодержавный и неограниченный“, — гласили русскіе Основные Законы. Царю принадлежала вся полнота законодательной и исполнительной власти. Это не означало произвола: на всѣ существенные вопросы имѣлись точные отвѣты въ законахъ, которые подлежали исполненію, пока не было отмѣны. Въ области гражданскихъ правъ русская царская власть вообще избѣгала рѣзкой ломки, считалась

съ правовыми навыками населенія и съ благопріобрѣтѣнными правами и оставляла въ дѣйствіи на территоріи Имперіи и кодексъ Наполеона (въ Царствѣ Польскомъ), и Литовскій статутъ (въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ), и Магдебургское право (въ Прибалтійскомъ краѣ), и обычное право у крестьянъ, и всевозможные мѣстные законы и обычаи на Кавказѣ, въ Сибири, въ Средней Азіи.

Но право издавать законы нераздѣльно принадлежало Царю. Былъ Государственный Совѣтъ изъ высшихъ сановниковъ, назначенныхъ туда Государемъ; онъ обсуждалъ проекты законовъ; но Царь могъ согласиться, по своему усмотрѣнію, и съ мнѣніемъ большинства, и съ мнѣніемъ меньшинства, — или отвергнуть и то, и другое. Обычно для проведенія важныхъ мѣропріятій образовывались особыя комиссіи и совѣщанія; но они имѣли, разумѣется, только подготовительное значеніе.

Въ области исполнительной — полнота Царской власти также была неограниченна. Людовикъ XIV послѣ смерти кардинала Мазарини заявилъ, что хочетъ отнынѣ быть самъ своимъ первымъ министромъ. Но всѣ русскіе монархи были въ такомъ же положеніи. Россія не знала должности перваго министра. Званіе канцлера, присваивавшееся иногда министру иностранныхъ дѣлъ (послѣднимъ канцлеромъ былъ свѣтлѣйшій князь А. М. Горчаковъ, скончавшійся въ 1883 г.), давало ему чинъ 1-го класса по табели ранговъ, но не означало какого-либо главенства надъ остальными министрами. Былъ Комитетъ Министровъ, у него имѣлся постоянный предсѣдатель (въ 1894 г. имъ ещё состоялъ бывшій министръ финансовъ Н. Х. Бунге). Но этотъ Комитетъ былъ, въ сущности, только своего рода междувѣдомственнымъ совѣщаніемъ.

Всѣ министры и главноуправляющіе отдѣльными частями имѣли у Государя свой самостоятельный докладъ. Государю были также непосредственно подчинены генераль-губернаторы, а также градоначальники обѣихъ столицъ.

Это не значило, что Государь входилъ во всѣ детали управленія отдѣльными вѣдомствами (хотя, напр., Императоръ Александръ III былъ „собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ“, которому докладывались всѣ „входящія“ и „исходящія“; Н. К. Гирсъ былъ какъ бы его „товарищемъ министра“). Отдѣльные министры имѣли иногда большую власть и воз-

можность широкой инициативы. Но они имѣли ихъ, **поскольку** и **пока** имъ довѣрялъ Государь.

Для проведенія въ жизнь предначертаній, идущихъ сверху, Россія имѣла также многочисленный штатъ чиновниковъ. Императоръ Николай I обронилъ когда-то ироническую фразу о томъ, что Россіей управляютъ 30.000 столоначальниковъ. Жалобы на „бюрократію“, на „средостѣніе“ были весьма распространены въ русскомъ обществѣ. Принято было бранить чиновниковъ, ворчать на нихъ. За границей существовало представленіе о чуть ли не поголовномъ взяточничествѣ русскихъ чиновниковъ. О нёмъ часто судили по сатирамъ Гоголя или Щедрина; но карикатура, даже удачная, не можетъ считаться портретомъ. Въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ — напр., въ полиціи — низкіе оклады дѣйствительно способствовали довольно широкому распространенію взятки. Другія, какъ, напр., министерство финансовъ или судебное вѣдомство послѣ реформы 1864 г., пользовались, наоборотъ, репутаціей высокой честности. Надо впрочемъ признать, что одной изъ чертъ, роднившихъ Россію съ восточными странами, было бытовое снисходительное отношеніе къ многимъ поступкамъ сомнительной честности; борьба съ этимъ явленіемъ была психологически не легка. Нѣкоторыя группы населенія, какъ, напр., инженеры, пользовались ещё худшей репутаціей, чѣмъ чиновники, — весьма часто, разумѣется, незаслуженной.

Зато правительственные верхи были свободны отъ этого недуга. Случаи, когда къ злоупотребленіямъ оказывались причастны министры или другіе представители власти, были рѣдчайшими сенсаціонными исключеніями.

Какъ бы то ни было, русская администрація, даже въ несовершенныхъ своихъ частяхъ, выполняла, несмотря на трудныя условія, возложенную на неѣ задачу. Царская власть имѣла въ своёмъ распоряженіи послушный и стройно организованный государственный аппаратъ, прилаженный къ многообразнымъ потребностямъ Россійской Имперіи. Этотъ аппаратъ создавался вѣками — отъ московскихъ приказовъ — и во многомъ достигъ высокаго совершенства.

Но Русскій Царь былъ не только главой государства: онъ былъ въ то же время главою русской православной церкви, занимавшей первенствующее положеніе въ странѣ. Это, конечно,

не означало, чтобы Царь былъ вправѣ касаться церковныхъ догматовъ; соборное устройство православной церкви исключало такое пониманіе правъ Царя. Но по предложенію Святейшаго Синода, высшей церковной коллегіи, назначеніе епископовъ производилось Царёмъ; и отъ него же зависѣло (въ томъ же порядкѣ) пополненіе состава самого Синода. Связующимъ звеномъ между церковью и государствомъ были оберъ-прокуроръ Синода. Эта должность болѣе четверти вѣка занималась К. П. Побѣдоносцевымъ, человекомъ выдающагося ума и сильной воли, учителемъ двухъ Императоровъ — Александра III и Николая II.

За время правленія Императора Александра III проявились слѣдующія основныя тенденціи власти: не огульно-отрицательное, но во всякомъ случаѣ **критическое** отношеніе къ тому, что именовалось „прогрессомъ“; и стремленіе придать Россіи больше внутренняго единства путёмъ утвержденья первенства русскихъ элементовъ страны. Кромѣ того, одновременно проявлялись два теченія, далеко не сходныхъ, но какъ бы восполнявшихъ другъ друга. Одно, ставящее себѣ цѣлью защиту слабыхъ отъ сильныхъ, предпочитающее широкія народныя массы отдѣлившимся отъ нихъ верхамъ, съ нѣкоторыми уравнительными склонностями, — въ терминахъ нашего времени можно было бы назвать „демофильскимъ“ или христіанско-соціальнымъ. Это — теченіе, представителями котораго были, наряду съ другими, министръ юстиціи Манасеинъ (ушедшій въ отставку въ 1894 г.) и К. П. Побѣдоносцевъ, писавшій, что „дворяне одинаково съ народомъ подлежатъ обузданію“. Другое теченіе, нашедшее себѣ выразителя въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстомъ, стремилось къ укрѣпленію правящихъ сословій, къ установленію извѣстной іерархіи въ государствѣ. Первое теченіе, между прочимъ, горячо отстаивало крестьянскую общину, какъ своеобразную русскую форму рѣшенія соціальнаго вопроса.

Русификаторская политика встрѣчала больше сочувствія у „демофильскаго“ теченія. Наоборотъ, яркій представитель второго теченія, извѣстный писатель К. Н. Леонтьевъ выступилъ въ 1888 г. съ брошюрой „Національная политика какъ орудіе всемірной революціи“ (въ слѣдующихъ изданіяхъ слово „національная“ было замѣнено „племенная“), доказывая,

что „движеніе современнаго политическаго націонализма есть не что иное, какъ видоизмѣнённое только въ пріёмахъ распространеніе космополитической демократизаціи“.

Изъ видныхъ правыхъ публицистовъ того времени къ первому теченію примыкалъ М. Н. Катковъ, ко второму — кн. В. П. Мещерскій.

Самъ Императоръ Александръ III, при его глубоко русскомъ складѣ ума, не сочувствовалъ русификаторскимъ крайностямъ и выразительно писалъ К. П. Побѣдоносцеву (въ 1886 г.): „Есть господа, которые думаютъ, что они одни Русскіе, и никто болѣе. Уже не воображаютъ ли они, что я Нѣмецъ или Чухонецъ? Легко имъ съ ихъ балаганнымъ патріотизмомъ, когда они ни за что не отвѣчаютъ. Не я дамъ въ обиду Россію“.

Во внѣшней политикѣ царствованіе Императора Александра III принесло большія перемѣны. Та близость съ Германіей, или, вѣрнѣе, съ Пруссіей, которая оставалась общей чертой русской политики съ Екатерины Великой и проходитъ красной нитью черезъ царствованія Александра I, Николая I и особенно Александра II, смѣнилась замѣтнымъ охлажденіемъ. Едва ли было бы правильнымъ, какъ это иногда дѣлаютъ, приписывать это развитіе событій — антигерманскимъ настроеніямъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, датской принцессы, вышедшей замужъ за русскаго Наслѣдника вскорѣ послѣ датско-прусской войны 1864 г. Можно развѣ сказать, что политическія осложненія на этотъ разъ не смягчались, какъ въ предшествующія царствованія, личными добрыми отношеніями и семейными связями династій. Причины были, конечно, преимущественно политическія.

Хотя Бисмаркъ и считалъ возможнымъ совмѣщать Тройственный союзъ съ дружественными отношеніями съ Россіей, австро-германо-итальянскій союзъ былъ, конечно, въ основѣ охлажденія между старыми друзьями. Берлинскій конгрессъ оставилъ горечь въ русскомъ общественномъ мнѣніи. На верхахъ начали звучать антигерманскія нотки. Извѣстна рѣзка рѣчь ген. Скобелева противъ нѣмцевъ; Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вѣлъ противъ нихъ кампанію. Къ срединѣ 80-хъ годовъ напряженіе стало ощущаться сильнѣе; германскій семилѣтній военный бюджетъ („септеннатъ“) былъ вызванъ

ухудшеніємъ отношеній съ Россіей. Германское правительство закрыло берлинскій рынокъ для русскихъ цѣнныхъ бумагъ.

Императора Александра III, какъ и Бисмарка, это обостреніе серьёзно тревожило, и въ 1887 г. былъ заключёнъ — на трёхлѣтній срокъ — т. н. договоръ о перестраховкѣ. Это было секретное русско-германское соглашеніе, по которому обѣ страны обѣщали другъ другу благожелательный нейтралитетъ на случай нападенія какой-либо третьей страны на одну изъ нихъ. Соглашеніе это составляло существенную оговорку къ акту Тройственного союза. Оно означало, что Германія не будетъ поддерживать какого-либо антирусского выступления Австріи. Юридически эти договоры были совмѣстимы, такъ какъ и Тройственный союзъ предусматривалъ только поддержку въ томъ случаѣ, если кто-либо изъ его участниковъ **подвергнется нападенію** (что и дало Италіи возможность въ 1914 г. объявить нейтралитетъ, не нарушая союзнаго договора).

Но этотъ договоръ о перестраховкѣ не былъ возобновлёнъ въ 1890 г. Переговоры о нёмъ совпали съ моментомъ отставки Бисмарка. Его преемникъ, ген. Каприви, съ военной прямолинейностью указалъ Вильгельму II, что этотъ договоръ представляется нелояльнымъ въ отношеніи Австріи. Со своей стороны, Императоръ Александръ III, питавшій симпатіи къ Бисмарку, не стремился связываться съ новыми правителями Германіи.

Послѣ этого, въ 90-е годы, дѣло дошло до русско-германской таможенной войны, завершившейся торговымъ договоромъ 20 марта 1894 г., заключённымъ при ближайшемъ участіи министра финансовъ С. Ю. Витте. Этотъ договоръ давалъ Россіи — на десятилѣтній срокъ — существенныя преимущества.

Отношеніямъ съ Австро-Венгріей нечего было и портиться: съ того времени, какъ Австрія, спасённая отъ венгерской революціи Императоромъ Николаемъ I, „удивила міръ неблагодарностью“ во время Крымской войны, Россія и Австрія такъ же сталкивались на всёмъ фронтѣ Балканъ, какъ Россія и Англія на всёмъ фронтѣ Азіи.

Англія въ то время ещё продолжала видѣть въ Россійской Имперіи своего главнаго врага и конкурента, „огромный ледникъ, нависающій надъ Индіей“, какъ выразился въ англійскомъ парламентѣ лордъ Биконсфильдъ (Дизраэли).

На Балканахъ Россія пережила за 80-е годы тяжчайшія разочарованія. Освободительная война 1877–78 г., стоившая Россіи столько крови и такихъ финансовыхъ потрясеній, не принесла ей непосредственныхъ плодовъ. Австрія фактически завладѣла Босніей и Герцеговиной, и Россія вынуждена была это признать, чтобы избѣжать новой войны. Въ Сербіи находилась у власти династія Обреновичей, въ лицѣ короля Милана, явно тяготѣвшая къ Австріи. Про Болгарію — даже Бисмаркъ ѣдко отозвался въ своихъ мемуарахъ: „Освобождённые народы бываютъ не благодарны, а притязательны“. Тамъ дѣло дошло до преслѣдованія русофильскихъ элементовъ. Замѣна князя Александра Баттенбергскаго, ставшаго во главѣ антирусскихъ теченій, Фердинандомъ Кобургскимъ не улучшила русско-болгарскихъ отношеній. Только въ 1894 г. долженъ былъ уйти въ отставку Стамбуловъ, главный вдохновитель русофобской политики. Единственной страной, съ которой Россія въ теченіе долгихъ лѣтъ даже не имѣла дипломатическихъ сношеній, была Болгарія, такъ недавно воскрешённая русскимъ оружіемъ изъ долгаго государственнаго небытія!

Румынія находилась въ союзѣ съ Австріей и Германіей, обиженная тѣмъ, что въ 1878 г. Россія вернула себѣ небольшой отрѣзокъ Бессарабіи, отнятой у нея въ Крымскую войну*. Хотя Румынія получила при этомъ въ видѣ компенсаціи всю Добруджу съ портомъ Констанцей, — она предпочла сблизиться съ противниками русской политики на Балканахъ.

Когда Императоръ Александръ III провозгласилъ свой извѣстный тостъ за „единственнаго вѣрнаго друга Россіи, князя Николая Черногорскаго“, — это, въ сущности, соотвѣтствовало дѣйствительности. Мощь Россіи была настолько велика, что она не чувствовала себя угрожаемой въ этомъ одиночествѣ. Но послѣ прекращенія договора о перестраховкѣ, во время рѣзкаго ухудшенія русско-германскихъ экономическихъ отношеній, Императоръ Александръ III предпринялъ опредѣлённые шаги для сближенія съ Франціей.

Республиканскій строй, государственное безвѣріе и такія недавнія въ то время явленія, какъ Панамскій скандалъ, не могли располагать къ Франціи русскаго Царя, хранителя

* Измаильскій уѣздъ, съ площадью въ 8.128 кв. вёрстъ, съ населеніемъ ок. 125.000 человекъ.

консервативныхъ и религіозныхъ началъ. Многіе считали поэтому франко-русское соглашеніе исключённымъ. Торжественный пріёмъ моряковъ французской эскадры въ Кронштадтѣ, когда русскій Царь съ непокрытой головой слушалъ „Марсельезу“, показалъ, что симпатіи или антипатіи къ внутреннему строю Франціи не являются рѣшающими для Императора Александра III. Мало кто, однако, думалъ, что уже съ 1892 г. между Россіей и Франціей былъ заключёнъ тайный оборонительный союзъ, дополненный военной конвенціей, указывающей, какое количество войскъ обѣ стороны обязуются выставить на случай войны съ Германіей. Договоръ этотъ былъ въ то время настолько секретнымъ, что о нёмъ не знали ни министры (конечно, кромѣ двухъ-трёхъ высшихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ и военнаго вѣдомства), ни даже самъ Наслѣдникъ Престола.

Французское общество давно жаждало оформленія этого союза, но Царь поставилъ условіемъ строжайшее сохраненіе тайны, опасаясь, что увѣренность въ русской поддержкѣ можетъ породить во Франціи воинственныя настроенія, оживить жажду реванша, и правительство, по особенностямъ демократическаго строя, не будетъ въ силахъ противиться напору общественнаго мнѣнія.

Россійская Имперія въ ту пору обладала самой многочисленной въ мірѣ арміей мирнаго времени. Ея 22 корпуса, не считая казаковъ и нерегулярныхъ частей, достигали численности до 900.000 человекъ. При четырёхлѣтнемъ срокѣ военной службы ежегодный призывъ новобранцевъ давалъ въ началѣ 90-хъ годовъ вдвое больше людей, чѣмъ было нужно арміи. Это не только давало возможность производить строгій отборъ по физической годности, но и позволяло предоставлять широкія льготы по семейному положенію. Единственные сыновья, старшіе братья, на попеченіи коихъ находились младшіе, учителя, врачи и т. д. освобождались отъ дѣйствительной военной службы и прямо зачислялись въ ратники ополченія второго разряда, до которыхъ мобилизація могла дойти лишь въ самую послѣднюю очередь. Въ Россіи зачислялся въ армію всего 31 процентъ призывныхъ каждаго года, тогда какъ во Франціи 76 процентовъ.

На вооруженіе арміи работали преимущественно **казѣнные** заводы; въ Россіи не было тѣхъ „торговцевъ пушками“, которые пользуются столь нелестной репутаціей на западѣ.

Для подготовки офицерскаго состава имѣлось 37 среднихъ и 15 высшихъ военныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ обучалось 14–15.000 человекъ.

Всѣ нижніе чины, проходившіе службу въ рядахъ арміи, получали, кромѣ того, извѣстное образованіе. Неграмотныхъ обучали читать и писать, и всѣмъ давались нѣкоторыя основныя начала общаго образованія.

Русскій флотъ, находившійся въ упадкѣ со времени Крымской войны, въ царствованіе Императора Александра III ожилъ и отстроился. Было спущено на воду 114 новыхъ военныхъ судовъ, въ томъ числѣ 17 броненосцевъ и 10 бронированныхъ крейсеровъ. Водоизмѣщеніе флота достигало 300.000 тоннъ — русскій флотъ занималъ **третье** мѣсто (послѣ Англіи и Франціи) въ ряду міровыхъ флотовъ. Слабой стороной его было, однако, то, что Черноморскій флотъ — около трети русскихъ морскихъ силъ — былъ запертъ въ Чёрномъ морѣ по международнымъ договорамъ и не имѣлъ возможности принять участія въ борьбѣ, которая возникла бы въ иныхъ моряхъ.

Россія не имѣла имперскихъ представительныхъ учреждений; Императоръ Александръ III, говоря словами К. П. Побѣдоносцева, вѣровалъ „въ непоколебимое значеніе власти самодержавной въ Россіи“ и не допускалъ для нея „въ призракѣ свободы гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній“. Но отъ предшествующаго царствованія въ наслѣдіе остались органы мѣстнаго самоуправленія, земства и города; и ещё со временъ Екатерины II существовало сословное самоуправленіе въ лицѣ дворянскихъ собраний, губернскихъ и уѣздныхъ (мѣщанскія управы и другіе органы самоуправления горожанъ утратили постепенно всякое реальное значеніе).

Земскія самоуправленія были введены (въ 1864 г.) въ 34 (изъ 50)* губерній Европейской Россіи, то есть распространились болѣе нежели на половину населенія Имперіи. Они

* Земствъ не было: въ 12 западныхъ губерніяхъ, гдѣ среди землевладѣльцевъ преобладали нерусскіе элементы; въ рѣдко населённыхъ Архангельской и Астраханской губ.; въ Области Войска Донского и въ Оренбургской губ. съ ихъ казачьими учрежденіями.

избирались тремя группами населения: крестьянами, частными землевладельцами и горожанами; число мѣстъ распределялось между группами соотвѣтственно суммѣ платимыхъ ими налоговъ. Въ 1890 г. былъ изданъ законъ, усилившій роль дворянства въ земствахъ. Вообще частные владельцы, какъ болѣе образованный элементъ деревни, играли руководящую роль въ большинствѣ губерній; но были и земства преимущественно крестьянскія (Вятское, Пермское, напримѣръ). Русскія земства имѣли болѣе широкую сферу дѣятельности, чѣмъ сейчасъ имѣютъ органы мѣстнаго самоуправления во Франціи. Медицинская и ветеринарная помощь, народное образование, содержание дорогъ, статистика, страховое дѣло, агрономія, кооперация и т. д. — такова была сфера дѣятельности земствъ.

Городскія самоуправления (думы) избирались домовладельцами. Думы избирали городскія управы, съ городскимъ головой во главѣ. Сфера ихъ компетенціи, въ предѣлахъ городовъ, была въ общихъ чертахъ та же, что у земствъ въ отношеніи деревни.

Наконецъ, и деревня имѣла своё крестьянское самоуправленіе, въ которомъ принимали участіе всѣ взрослые крестьяне и жёны отсутствующихъ мужей. „Міромъ“ рѣшались мѣстные вопросы и избирались уполномоченные на волостной сходъ. Старосты (предсѣдатели) и при нихъ состоявшіе писаря (секретари) руководили этими первичными ячейками крестьянскаго самоуправления.

Въ общемъ, къ концу царствованія Императора Александра III, при государственномъ бюджетѣ въ 1.200.000.000 рублей, мѣстные бюджеты, находившіеся въ вѣдѣніи выборныхъ учреждений, достигали суммы около 200 милліоновъ, изъ которыхъ на земства и города приходилось примѣрно по 60 милл. въ годъ. Изъ этой суммы земства тратили около трети на медицинскую помощь и около одной шестой — на народное образованіе.

Дворянскія собранія, созданныя ещё Екатериной Великой, состояли изъ всѣхъ потомственныхъ дворянъ каждой губерніи (или уѣзда), причѣмъ участвовать въ собраніяхъ могли только тѣ дворяне, которые имѣли въ данной мѣстности земельную

собственность*. Губернскія дворянскія собранія были, въ сущности, единственными общественными органами, въ которыхъ порою обсуждались, на законномъ основаніи, вопросы общей политики. Дворянскія собранія, въ видѣ адресовъ на Высочайшее имя, не разъ выступали съ политическими резолюціями. Кромѣ этого, сфера ихъ компетенціи была весьма ограничена, и они играли извѣстную роль только благодаря своей связи съ земствами (мѣстный предводитель дворянства являлся по должности предсѣдателемъ губернскаго или уѣзднаго земскаго собранія).

Значеніе дворянства въ странѣ въ то время уже замѣтно шло на убыль. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, вопреки распространеннымъ на Западѣ представленіямъ, въ 49 губ. Европейской Россіи изъ 381 милл. десятинъ земельной площади только 55 милліоновъ принадлежало дворянамъ, тогда какъ въ Сибири, Средней Азіи и на Кавказѣ дворянское землевладѣніе вообще почти отсутствовало (только въ губерніяхъ Царства Польскаго дворянству принадлежало 44 проц. земель).

Въ мѣстныхъ самоуправленияхъ, какъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ выборное начало, были, конечно, свои группировки, свои правые и лѣвые. Были земства либеральныя и земства консервативныя. Но настоящихъ партій изъ этого не слагалось. Не было въ то время и сколько-нибудь значительныхъ нелегальныхъ группировокъ послѣ распада „Народной Воли“, хотя за границей и выходили кое-какія революціонныя изданія. Такъ, Лондонскій фондъ нелегальной печати (С. Степнякъ, Н. Чайковский, Л. Шишко и др.) въ отчетѣ за 1893 г. сообщилъ, что за годъ имъ распространено 20.407 экземпляровъ нелегальныхъ брошюръ и книгъ, — изъ нихъ 2.360 въ Россіи, что составляетъ небольшое количество на 125 милліоновъ населенія...

На особомъ положеніи находилось Великое Княжество Финляндское. Тамъ дѣйствовала конституція, дарованная ещё Александромъ I. Финскій сеймъ, состоявшій изъ представителей четырёхъ сословій (дворянъ, духовенства, горожанъ и крестьянъ), созывался каждыя пять лѣтъ, и при Императорѣ

* Дворянство въ Россіи не составляло замкнутой касты; права потомственнаго дворянства пріобрѣтались каждымъ, кто достигалъ чина VIII класса по табели о рангахъ (коллежскаго асессора, капитана, ротмистра).

Александръ III онъ даже получилъ (въ 1885 г.) право законодательной инициативы. Мѣстнымъ правительствомъ былъ Сенатъ, назначавшійся Императоромъ, а связь съ общеимперскимъ управленіемъ обезпечивалась черезъ министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи.

При отсутствіи представительныхъ учреждений, организованной политической дѣятельности въ Россіи не было, и попытки создать партійныя группы немедленно пресѣкались полицейскими мѣрами. Печать находилась подъ зоркимъ наблюденіемъ власти. Нѣкоторыя большія газеты выходили, однако, безъ предварительной цензуры — чтобы ускорить выпускъ — и несли поэтому рискъ послѣдующихъ репрессій. Обычно газетѣ дѣлалось два „предостереженія“, и на третьемъ — ея выходъ въ свѣтъ пріостанавливался. Но при этомъ газеты оставались **независимыми**: въ извѣстныхъ рамкахъ, при условіи нѣкоторой внѣшней сдержанности, онѣ могли проводить, и зачастую проводили, взгляды, весьма враждебные правительству. Большинство большихъ газетъ и журналовъ было завѣдомо оппозиціоннымъ. Правительство только ставило внѣшнія преграды выраженію враждебныхъ ему воззрѣній, а не пыталось вліять на содержаніе печати.

Можно сказать, что русская власть не имѣла ни склонности, ни способности къ саморекламѣ. Ея достижения и успѣхи нерѣдко оставались въ тѣни, тогда какъ неудачи и слабыя стороны старательно расписывались, съ мнимой объективностью, на страницахъ русской повременной печати, а за границей распространялись русскими политическими эмигрантами, создавая во многомъ ложныя представленія о Россіи.

Въ отношеніи книгъ наиболѣе строгой была цензура церковная. Менѣе суровая, чѣмъ Ватиканъ съ его „индексомъ“, она въ то же время имѣла возможность не только заносить запрещенныя книги въ списки, но и пресѣкать на дѣлѣ ихъ распространеніе. Такъ, подѣ запретомъ были антицерковныя писанія гр. Л. Н. Толстого, „Жизнь Іисуса“ Ренана; при переводахъ изъ Гейне, напр., исключались мѣста, содержащія глумленіе надъ религіей. Но въ общемъ — особенно если принять во вниманіе, что цензура въ разные періоды дѣйствовала съ различной степенью строгости, а книги, однажды допущенныя, рѣдко изымались затѣмъ изъ обращенія, — книги, запретныя для русскаго

„легальнаго“ читателя, составляли ничтожную долю міровой литературы. Изъ крупныхъ русскихъ писателей запрещенъ былъ только Герценъ.

Въ странѣ, которую за границей считали „царствомъ кнута, цѣпей и ссылки въ Сибирь“, дѣйствовали на самомъ дѣлѣ весьма мягкіе и гуманные законы. Россія была единственной страной, гдѣ смертная казнь вообще была отмѣнена (со времѣнъ Императрицы Елисаветы Петровны) для всѣхъ преступленій, судимыхъ общими судами. Она оставалась только въ военныхъ судахъ и для высшихъ государственныхъ преступленій. За XIX-й вѣкъ число казнѣнныхъ (если исключить оба польскихъ возстанія и нарушенія воинской дисциплины) **не составляло и ста человѣкъ за сто лѣтъ**. За царствованіе Императора Александра III-го, кромѣ участниковъ царубійства 1 марта, казнены были только нѣсколько человѣкъ, покушавшихся убить Императора (одинъ изъ нихъ, между прочимъ, былъ какъ разъ А. Ульяновъ — братъ Ленина).

Административная ссылка, на основаніи закона о положеніи усиленной охраны, примѣнялась зато довольно широко ко всѣмъ видамъ противоправительственной агитаціи. Были разныя степени ссылки — въ Сибирь, въ сѣверныя губерніи („мѣста не столь отдаленныя“, какъ это обычно называли), иногда просто въ провинціальныя города. Высланнымъ, не имѣвшимъ собственныхъ средствъ, выдавалось казенное пособіе на жизнь. Въ мѣстахъ ссылки образовывались особыя колоніи людей, объединенныхъ общей судьбой; нерѣдко эти колоніи ссыльныхъ становились ячейками будущей революціонной работы, создавая связи и знакомства, содѣйствуя „закрѣпощенію“ въ враждѣ къ существующему порядку. Тѣ же, кто считались наиболѣе опасными, помѣщались въ Шлиссельбургскую крѣпость на островѣ въ верхнемъ теченіи Невы.

Русскій судъ, основанный на судебныхъ уставахъ 1864 г., стоялъ съ того времени на большой высотѣ; „гоголевскіе типы“ въ судейскомъ мірѣ отошли въ область преданій. Бережное отношеніе къ подсудимымъ, широчайшее обезпеченіе правъ защиты, отборный составъ судей, всё это составляло предметъ справедливой гордости русскихъ людей и соотвѣтствовало настроеніямъ общества. Судебныя уставы были однимъ изъ немногихъ законовъ, которые общество не только уважало, но

и готово было ревниво защищать отъ власти, когда она считала необходимымъ вносить оговорки и поправки въ либеральный законъ для болѣе успѣшной борьбы съ преступлениями.

Труднѣ всего было бы опредѣлить культурный уровень русскаго народа. Если измѣрить его одними внѣшними признаками, числомъ учебныхъ заведеній, числомъ учащихся и ихъ соотношеніемъ съ общей численностью населенія, было безспорно, что большинство европейскихъ государствъ въ этомъ отношеніи опередило Россію. Къ 1894 г. въ девяти русскихъ университетахъ обучалось 14.327 студентовъ; вмѣстѣ со специальными высшими учебными заведеніями (техническими, военными, художественными и т. д.) оно достигало 25–30.000 человекъ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (ихъ было около 900) обучалось 224.000 человекъ (изъ нихъ въ женскихъ 75.500). Въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ видовъ (около 72.000) обучалось 3.360.000 дѣтей. Учащіеся составляли, т. о., немного менѣе 3 проц. общей массы населенія*. Для азіатскихъ странъ такой процентъ учащихся, какъ въ Россіи, казался бы вообще огромнымъ. (Въ странахъ всеобщаго обязательнаго обученія учащіеся составляютъ около 10 проц. населенія.)

Въ Россіи выходило къ 1894 г. около 850 періодическихъ изданій всѣхъ видовъ; ежедневныхъ газетъ, не считая губернскихъ официальныхъ изданій, имѣлось около ста. Во главѣ оппозиціонной печати были въ то время въ С.-Петербургѣ „Новости“, въ Москвѣ — „Русскія Вѣдомости“, тогда какъ наиболѣе распространенной умѣренной газетой было суворинское „Новое Время“, а правыми органами были „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго и „Московскія Вѣдомости“, имѣвшія, однако, меньшій вѣсъ послѣ смерти М. Н. Каткова. Изъ т. н. „толстыхъ журналовъ“ только „Русскій Вѣстникъ“ былъ органомъ консервативнымъ, тогда какъ „Вѣстникъ Европы“ и „Русская Мысль“ держались либеральнаго направленія, а въ „Русскомъ Богатствѣ“ и „Мірѣ Божіемъ“ пробивалась социалистическая струя. Особо стоялъ „Сѣверный Вѣстникъ“, проводившій взгляды,

* Въ общемъ 3 проц. имѣлись въ земскихъ губерніяхъ и вообще въ Европейской Россіи (выше — около 6 проц. — только въ трёхъ Прибалтійскихъ губерніяхъ). Цифра эта рѣзко понижалась на Кавказѣ (1,7) и особенно въ только недавно завоёванной Средней Азіи (0,3).

враждебные плоскому матеріализму 60-хъ годовъ, но въ то же время политически весьма далёкій отъ власти. Провинціальная печать была бѣднѣе и сѣрѣе столичной, но и тамъ — исключеніемъ былъ „Кіевлянинъ“ проф. Д. И. Пихно — преобладали сдержанно-оппозиционные тона. Именно въ провинціи большевики упоминаютъ первые ростки „марксистской печати“.

Въ Россіи въ 1894 г. имѣлось 1.315 типографій. Книгъ и другихъ непериодическихъ изданій выпущено было 16.541, въ томъ числѣ около 6.000 въ С.-Петербургѣ и около 2.500 въ Москвѣ. Тиражъ ихъ достигалъ нѣсколько десятковъ миллионовъ экземпляровъ.

Число общественныхъ библиотекъ, подъ вліяніемъ дѣятельности земствъ въ этой области, быстро росло и приближалось къ четырёмъ тысячамъ, во главѣ съ Императорской Публичной библиотекой съ ея полутора миллионами книгъ и 15.000 читателей въ годъ. Большія библиотеки также имѣлись въ Академіи Наукъ, въ Румяцевскомъ музеѣ (Москва) и при всѣхъ университетахъ. Согласно закону по одному экземпляру каждой книги, выходившей въ Россіи, должно было поступать въ библиотечку Академіи Наукъ и въ Публичную библиотечку.

Иностранные наблюдатели не разъ отмѣчали высокій культурный уровень образованныхъ слоёвъ русскаго общества, нашедшій себѣ такое яркое выраженіе въ русской литературѣ XIX вѣка, сразу выдвинувшейся въ первые ряды міровой литературы. Отмѣчалось также, что въ отличіе отъ Запада въ Россіи образованіе болѣе равномерно распространяется и на женщинъ, которыя въ Россіи вообще были гораздо ближе къ гражданскому и социальному равенству съ мужчинами, чѣмъ въ Западной Европѣ, особенно въ романскихъ странахъ. Проф. Legras въ своихъ впечатлѣніяхъ о пребываніи въ Россіи въ 1892 г. писалъ: „Лицеи для дѣвицъ [гимназіи] буквально кишатъ въ Россіи... Серьёзное развитіе женскаго образованія въ Россіи имѣетъ и свои преимущества... Чувствуешь, что ихъ умъ прошёлъ иную школу, чѣмъ у воспитанницъ нашихъ модныхъ монастырей... Русскія дѣвушки менѣе сдержанны, но болѣе естественны, чѣмъ дѣвицы въ нашихъ пансіонатахъ“. Этотъ отзывъ любопытенъ потому, что онъ исходитъ отъ чужака, отзывающагося въ общемъ безъ сочувствія объ Императорской Россіи.

Манифестъ провозглашалъ, что историческая власть русскаго Царя остаётся основой государства. Всѣ законы исходятъ отъ нея. Манифестомъ 17 октября и Основными Законами 23 апрѣля установленъ новый **обычный законодательный путь**, ограничивающій царскую власть въ области изданія новыхъ законовъ. Но въ случаѣ, если спасеніе государства не можетъ быть достигнуто на обычномъ законодательномъ пути, — **за Царской властью остаются обязанность и право изыскать иной путь**. Эту верховную суверенность Государь и подразумевалъ подъ словами „самодержавіе такое, какъ и встарь“.

Отступленіе отъ обычнаго пути, закрѣплѣннаго въ Основныхъ Законахъ, было допустимо, конечно, только въ случаяхъ **крайней необходимости**; оно всегда колеблетъ правосознаніе и порождаетъ смуту въ умахъ; но отрицать возможность такихъ случаевъ значило бы закрывать глаза на дѣйствительность. Никакое государство не можетъ идти на гибель ради соблюденія буквы закона, и это менѣе всего могутъ отрицать тѣ, кто признаётъ, въ томъ же случаѣ крайней необходимости, право на внѣзаконное дѣйствіе за такимъ обманчивымъ и расплывчатымъ понятіемъ, какъ „народъ“.

Государь какъ былъ, такъ и остался верховнымъ вождемъ страны. Онъ вывелъ её изъ войны и смуты, и манифестомъ 3 іюня Онъ довёлъ до конца „великое дѣло преобразованія“: въ Россіи утвердился новый строй — думская монархія.

СОДЕРЖАНІЕ

Предисловіе.....	6
Біографія автора.....	9

Часть I

Самодержавное правленіе 1894—1904

Глава первая.....	14
Глава вторая.....	47
Глава третья.....	70
Глава четвёртая.....	95
Глава пятая.....	130
Глава шестая.....	153
Глава седьмая.....	189
Глава восьмая.....	218

Часть II

Переломные годы 1904—1907

Глава девятая.....	256
Глава десятая.....	293
Глава одиннадцатая.....	341
Глава двѣнадцатая.....	387

Царствованіе Императора Николая II

С. С. Ольденбургъ
томъ второй

С. С. ОЛЬДЕНБУРГЪ

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Томъ II

Чёрная Сотня
Нижний Новгородъ
2020

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЧАСТЬ III Думская монархія 1907–1914

„Успокоеніе послѣ реформъ“. — Новый государственный строй. — Права законодательныхъ учреждений. — Система выборовъ. — Гражданскія свободы.

Конецъ революціи. — Поправленіе земствъ и городовъ. — Выборы въ III Думу. — Засѣданіе 13 ноября (споръ о самодержавіи). — Столыпинъ объ историческомъ правѣ Царской власти. — Партіи и группировки въ Думѣ. — Сотрудничество съ правительствомъ. — Амурская ж. д.

Студенческая забастовка 1908 г. — „Переоцѣнка цѣнностей“. — А. П. Извольскій и сближеніе съ Англіей. — Свиданіе въ Свинемюнде. — Англо-русское соглашеніе 18 (31) августа 1907 г. — Возникновеніе „Антанты“.

До 1905 г. въ русскомъ обществѣ, притязая на остроуміе, часто говорили, будто Государь „готовъ дать конституцію, только бы при этомъ сохранилось самодержавіе“. Это считали абсурдомъ. Но жизнь оказалась сложнѣе готовыхъ формулъ. Послѣ реформъ 1905–1907 гг. англійскій справочникъ такъ опредѣлялъ русскій государственный строй: „Съ 1905 г. Россія стала конституціонной наслѣдственной монархіей, но фактически законодательная, исполнительная и судебная власть продолжаютъ въ значительной степени соединяться въ лицѣ Императора, который продолжаетъ носить титулъ Самодержца“. То, что казалось въ теоріи несовмѣстимымъ, было соединено на практикѣ.

Преемственная связь учреждений нарушена не была; представительный строй, введенный волею Монарха, былъ только новою страницей той же книги — Россійской Имперіи. Въ то же время перемѣна, произошедшая за эти переломные годы, глубже видоизмѣнила русскую жизнь, чѣмъ эпоха великихъ

реформъ Императора Александра II и при этомъ за болѣе короткій срокъ. Не формула „успокоеніе, а потомъ реформы“ опредѣляетъ послѣдующіе годы, а — „успокоеніе послѣ реформъ“; это былъ необходимый періодъ претворенія въ жизнь, переработки тѣхъ преобразованій, которыя отчасти въ качествѣ сознательно проводимаго усовершенствованія, отчасти — какъ „меньшее зло“ для устраненія источниковъ недовольства были введены Императоромъ Николаемъ II-мъ.

Перемѣны были огромны. Лѣвая часть русскаго общества въ пылу борьбы не хотѣла этого признавать, сравнивая новый строй со своими притязаніями, выдвинутыми въ моментъ подъема революціонной волны. Но теперь никто не станетъ отрицать при сравненіи съ тѣмъ, что было до 1905 г., что въ Россіи установился новый порядокъ вещей.

Этотъ строй просуществовалъ около десяти лѣтъ; его изучали и знаютъ меньше, чѣмъ предшествующій періодъ; можно сказать — онъ отошѣлъ въ исторію раньше, чѣмъ въ неѣ вошѣлъ. Почти нѣтъ обстоятельныхъ иностранныхъ изслѣдованій, посвященныхъ этому строю — по крайней мѣрѣ въ его цѣломъ. До сихъ поръ иностранцы, говоря о царской Россіи, нерѣдко смѣшиваютъ дореформенные порядки со временами думской монархіи и удивляются, когда узнаютъ, въ какой широкой мѣрѣ были въ Россіи осуществлены гражданскія свободы.

Когда стремительное движеніе остановилось, общество ощутило остановку, — и не сразу оцѣнило перемѣну. „Великій сдвигъ 1905 г. имѣлъ однимъ изъ своихъ послѣдствій общее измѣненіе условій настолько быстрое, что наше мышленіе отстаѣтъ отъ него“, — писалъ въ „Русской Мысли“ видный дѣятель к.-д. партіи Д. Д. Протопоповъ. И, перечисляя перемѣны въ обществѣ, — отходъ зажиточныхъ слоѣвъ отъ радикальных теченій, разслоеніе и раздоры въ деревнѣ, — онъ заключаетъ: „Въ этихъ наружно безобразныхъ и отталкивающихъ формахъ зарождается, безспорно, новый міръ. Происходитъ великое превращеніе — превращеніе общиннаго муравья въ свободную личность... Среди городскихъ рабочихъ развиваются профессиональныя организаціи и замѣчается сильное стремленіе къ просвѣщенію... Газету читаютъ на улицѣ сторожа, извозчики,

* „Русская Мысль“, апрѣль 1908 г.

работіе... Въ странѣ наблюдается пробужденіе истиннаго патристическаго чувства“. Д. Протопоповъ называлъ происходящее — европеизаціей, и въ этомъ опредѣленіи было не мало вѣрнаго: Россія во времена думской монархіи стала во многомъ гораздо болѣе сходной съ государствами Западной Европы.

Государь по-прежнему сохранялъ полноту исполнительной власти; но въ области законодательной, въ области финансовой — народное представительство имѣло весьма оцутительное вліяніе. Для проведенія въ жизнь всякаго новаго закона, для отмѣны стараго — требовалось согласіе обѣихъ законодательныхъ палатъ и утвержденіе Государя. Понятіе закона при этомъ толковалось широко, и многія мѣры, принимаемыя на Западѣ путѣмъ декретовъ, проводились черезъ Думу и Г. Совѣтъ*. Въ бюджетныхъ вопросахъ былъ примѣненъ тотъ же принципъ: ассигнованія, производимыя на основаніи опредѣленнаго закона (платежи по займамъ, основные штаты нѣкоторыхъ вѣдомствъ), могли быть исключены изъ бюджета только съ согласія Государя и обѣихъ палатъ. Всякое новое ассигнованіе, всякій новый налогъ, всякій государственный или гарантированный государствомъ заемъ могли получить осуществленіе только съ одобренія законодательныхъ учреждений.

Въ случаѣ неутвержденія новаго бюджета оставались въ силѣ доходныя и расходныя статьи стараго. Такъ же было и въ отношеніи ежегоднаго контингента новобранцевъ: для увеличенія числа призывныхъ было обязательно согласіе палатъ; если соотвѣтственный законопроектъ не утверждался — въ силѣ оставалась прошлогодняя цифра.

Законодательныя учрежденія состояли изъ Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Обѣ палаты пользовались одинаковыми правами.

* Примѣръ проектовъ, стоявшихъ на повѣсткѣ общаго Собранія Г. Думы (9.I.1908 г.):

1) о порядкѣ завѣдыванія храмомъ Воскресенія Христова въ С.-Петербурѣ;

2) о созданіи штатной должности учителя литовскаго языка въ Вейверской учительской семинаріи;

3) о переименованіи должностей военнаго губернатора въ Акмолинской и Семипалатинской обл. и т. д.

Государственная Дума избиралась на пятилѣтній срокъ на основаніи сложной системы выборовъ. Избирательное право было близкимъ ко всеобщему, особенно въ деревнѣ, и голосованіе было тайнымъ; оно было прямымъ въ обѣихъ столицахъ и пяти большихъ городахъ; двух- и трѣхстепеннымъ въ губерніяхъ.

Въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ наибольшее число выборщиковъ предоставлялось разряду (куріи) землевладѣльцевъ, причѣмъ крупные владѣльцы участвовали въ выборахъ непосредственно, а мелкіе собирались на особые сѣзды и выбирали уполномоченныхъ въ зависимости отъ числа десятинъ, которыми они владѣли*. Выборщики избирались также отъ крестьянскихъ обществъ (уполномоченныхъ выбирали волостные сходы, въ свою очередь избиравшіеся всѣми крестьянами), отъ рабочихъ и отъ городского населенія — по двумъ куріямъ: въ первой участвовали домовладѣльцы и наиболѣе крупные плательщики квартирного или промысловаго налога; во второй — остальные квартирнаниматели и служащіе. Были также выборщики отъ казаковъ и отъ кочевыхъ инородцевъ.

Выборщики отъ всѣхъ курій сѣзжались въ губернской городъ и тамъ избирали изъ своей среды членовъ Государственной Думы. Часть депутатовъ обязательно избиралась изъ выборщиковъ отъ опредѣленныхъ курій (отъ крестьянъ, отъ землевладѣльцевъ и — по шести губерніямъ — отъ рабочихъ).

Г. Дума избирала свой президіумъ и сама вырабатывала свой наказъ относительно внутренняго распорядка своихъ работъ. Наказъ не нуждался въ утвержденіи другихъ инстанцій и распубликовывался Сенатомъ.

Государственный Совѣтъ состоялъ наполовину изъ лицъ по назначенію отъ Государя, наполовину изъ выборныхъ: отъ духовенства (6), отъ земскихъ собраній (34), отъ дворянскихъ обществъ (18), отъ Академіи и университетовъ (6), отъ торговли и промышленности (12) и отъ сѣздовъ землевладѣльцевъ Царства Польскаго (6) и неземскихъ губерній (16), — выборныхъ членовъ было всего 98.

* Примѣръ: если ценъ для даннаго уѣзда установленъ въ 300 дес., то лица, владѣющіе свыше 300 дес., сами участвуютъ въ собраніи выборщиковъ, а остальные собираются на сѣзды. Если соберётся, скажемъ, 500 владѣльцевъ, вмѣстѣ имѣющихъ 3.000 десятинъ, — они избираютъ 10 уполномоченныхъ.

Въ принципѣ, назначенные члены Гос. Совѣта были несмѣняемы; но такъ какъ ихъ число значительно превышало 98, то ежегодно, 1 января, опубликовывался списокъ тѣхъ членовъ Гос. Совѣта, которые на данный годъ назначались Государемъ „къ присутствію“ на засѣданіяхъ верхней палаты.

Какъ Г. Дума, такъ и Г. Совѣтъ имѣли право вносить запросы министрамъ о тѣхъ или иныхъ незаконныхъ дѣяніяхъ; этимъ правомъ всѣ Г. Думы широко пользовались. Если палата не удовлетворялась объясненіями министра, она могла большинствомъ двухъ третей голосовъ постановить довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя черезъ своего предсѣдателя.

Засѣданія палатъ (за рѣдкими исключеніями, гл. обр. при обсужденіи военныхъ проектовъ) были публичными, и отчеты о нихъ свободно печатались во всѣхъ газетахъ.

Возвѣщенный манифестомъ 17 октября гражданскія свободы были закрѣплены въ законахъ съ тѣми ограниченіями, необходимость которыхъ выяснилась въ первые же мѣсяцы послѣ манифеста.

Положеніе печати рѣзко измѣнилось. Была — сразу же послѣ 17 октября — отмѣнена предварительная цензура. Исчезли запреты обсуждать ту или иную тему. Арестъ отдѣльных номеровъ періодическихъ изданій производился по рѣшенію присутствій по дѣламъ печати; окончательное закрытіе органовъ печати и конфискація изданій только на основаніи судебныхъ рѣшеній. Кары за преступленія по дѣламъ печати въ самыхъ серьезныхъ случаяхъ не превышали 1 года и 4 мѣс. заключенія. Послѣ роспуска Второй Думы къ этому, однако, прибавилось (для мѣстностей, находившихся на чрезвычайномъ положеніи) право губернаторовъ налагать на газеты штрафы (до 3.000 руб.) и аресты (до 3 мѣсяцевъ) на отвѣтственныхъ редакторовъ. Штрафы были весьма ощутительной мѣрой воздѣйствія, особенно для провинціальныхъ газетъ; аресты, наоборотъ, особаго значенія не имѣли — должности „отвѣтственныхъ редакторовъ“ обычно поручались не фактическимъ руководителямъ газетъ, а подставнымъ лицамъ.

На основаніи этихъ законовъ въ Россіи получили возможность выходить ежедневныя газеты рѣзко-оппозиціоннаго направленія, какъ, наприм., к.-д. „Рѣчь“ и болѣе лѣвыя — „Наша Жизнь“, „Товарищъ“, позже „День“, „Правда“ и т.д., и журналы

всѣхъ толковъ, начиная съ социаль-демократовъ большевиковъ. Большинство книгъ, считавшихся нелегальными до 1905 г. (напр., Герценъ, церковныя писанія Толстого, произведенія иностранныхъ социалистовъ и анархистовъ и т.д.), отнынѣ свободно выпускались въ свѣтъ. Преслѣдовались, конечно, чисто агитаціонныя революціонныя изданія, не допускались призывы къ бунту въ войскахъ, богохульства или оскорбленіе Величества. Но видные дѣятели революціи 1905 г., вроде Ленина или Троцкого, — даже тѣ, которые бѣжали за границу, — продолжали печатать свои статьи въ легально издававшихся журналахъ.

Свобода собраній и союзовъ опредѣлялась „временными правилами“ 4 марта 1906 года. Общества могли образовываться свободно, безъ предварительнаго разрѣшенія, но должны были зарегистрировать свой уставъ. Если въ двухнедѣльный срокъ по представленіи устава не было получено отказа — общество пріобрѣтало законное право существованія. Въ такомъ случаѣ для засѣданій общества, хотя бы и многочленныхъ, уже болѣе не требовалось никакихъ особыхъ разрѣшеній. О публичныхъ собраніяхъ надо было заявлять властямъ за три дня; и если за сутки до назначеннаго срока оно не было запрещено, — собраніе могло состояться.

Регистраціей обществъ и союзовъ вѣдали особые присутствія, состоявшія какъ изъ чиновниковъ, такъ и изъ выборныхъ лицъ*. То же присутствіе могло закрыть общество, если оно уклонялось отъ цѣлей, указанныхъ въ уставѣ.

На этихъ основаніяхъ въ Россіи возникло огромное количество всевозможныхъ обществъ и союзовъ, въ особенности профессиональных. Отказы въ регистраціи устава касались, гл. обр., политическихъ партій. Конечно, ни с.-д., ни с.-р. и не пытались зарегистрировать свой уставъ, въ которомъ говорилось о вооружённомъ возстаніи и демократической республикѣ. Что касается партіи к.-д., то уставъ ея не былъ утверждёнъ ввиду извѣстныхъ о ней фактовъ — въ частности, выборскаго воззванія, — и она такъ и оставалась на полулегальномъ поло-

* Составъ губернскихъ присутствій: губернаторъ; вице-губернаторъ; губ. предводитель дворянства; управляющій казённой палатой; прокуроръ; городской голова губ. города; предсѣдатель губ. земской управы и гласный по выбору губ. земства.

женіи. Она имѣла свой журналъ („Вѣстникъ Партіи Народной Свободы“), свои издательства, свои мѣстные комитеты, открыто собиравшіеся; но въ то же время „официально“ она не признавалась; чиновникамъ не разрѣшалось въ неё вступать. Тѣмъ не менѣе профессора, хотя они и состояли на государственной службѣ, всегда занимали въ партіи к.-д. видное положеніе.

Въ Государственной Думѣ открыто существовали фракціи социалистическихъ партій — социаль-демократовъ и трудовиковъ; если не было социаль-революционеровъ, то лишь потому, что они сами послѣ 3-го іюня бойкотировали Г. Думу.

Въ этихъ новыхъ условіяхъ политической жизни Государь принималъ гораздо менѣе непосредственное участіе въ дѣлахъ, нежели раньше. Онъ уже болѣе не былъ „своимъ собственнымъ премьеромъ“; существовалъ Совѣтъ Министровъ, коллективно обсуждавшій вопросы и принимавшій рѣшенія. Государь зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы Его права — которыя для Него были неотдѣлимы отъ долга Царскаго служенія — не подвергались бы умаленію въ „захватномъ порядкѣ“, путёмъ созданія прецедентовъ; но въ то же время Онъ соблюдалъ установленный Имъ обычный порядокъ законодательства и управленія. Онъ не любилъ иностранныхъ терминовъ „конституція“ и „парламентъ“, предпочиталъ выраженія „обновлённый, преобразованный строй“, но Онъ живо ощущалъ происшедшія перемѣны. Новый порядокъ вещей во многомъ не соответствовалъ Его идеаламъ, но Государь сознательно остановился на нёмъ въ долгомъ и мучительномъ исканіи выхода изъ трагическихъ противорѣчій русской жизни.

Строй думской монархіи, со всѣми его теоретическими и практическими недостатками, былъ для Россіи XX-го вѣка тою мѣрою свободы, которая — по выраженію Бисмарка — существуетъ для всякаго государства и превышеніе которой быстро приводитъ, черезъ анархію, къ утратѣ всякой свободы.

Въ одномъ только отношеніи новый строй былъ болѣе суровымъ, чѣмъ старый: смертная казнь, явившаяся отвѣтомъ на массовый терроръ, — какъ ни возмущались этимъ старые писатели — гр. Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, стала въ Россіи такимъ же „бытовымъ явленіемъ“, какъ во Франціи, Англіи, Германіи. П. А. Столыпинъ считалъ, что нѣтъ иного способа пресѣчь то кровавое хулиганство, въ которое выродились

остатки революціоннаго террора*.

3 іюня было концомъ революціи. Это вдругъ почувствовали всѣ, даже самые ярые ея сторонники. Этотъ законъ, практически разрѣшавшій конфликтъ между властью и народнымъ представительствомъ, не вызывалъ никакихъ протестовъ въ народныхъ массахъ.

Справа его открыто привѣтствовали. Союзъ Русскаго Нарада прислалъ Государю телеграмму, начинавшуюся словами: „Слѣзы умиленія и радости мѣшаютъ намъ выразить въ полной мѣрѣ чувства, охватившія насъ при чтеніи Твоего, Государь, манифеста, Державнымъ словомъ положившаго конецъ существованію преступной Государственной Думы...“ Клубъ умѣренныхъ и правыхъ отправилъ Государю вѣрноподданническое привѣтствіе.

Центральный комитетъ Союза 17 октября въ своей резолюціи заявлялъ: „Мы съ грустью должны признать, что возвѣщенное манифестомъ 3 іюня измѣненіе избирательнаго закона осуществлено не тѣмъ путѣмъ, который предусмотрѣнъ Основными Законами, но оцѣнку этого факта мы считаемъ преждевременной, а его необходимость — прискорбной“. Вину за происшедшее октябристы возлагали на лѣвыя партіи, мѣшавшія созданію нормальныхъ условій жизни въ странѣ.

Бывшій членъ 2-й Думы П. Б. Струве заявилъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“: „Основная ошибка была въ томъ, что к.-д. не сумѣли отмежеваться отъ лѣвыхъ“. Либеральный „Вѣстникъ Европы“, не отрицая за государствомъ права отступать отъ нормъ закона въ случаѣ крайней необходимости, писалъ, что героическій методъ лѣченія пріобрѣтаетъ *raison d'être* только тогда, когда безуспѣшно испробованы всѣ остальные.

Партія к.-д., собравшись въ Финляндіи на экстренный съѣздъ, вынесла резолюцію протеста противъ акта 3 іюня, но

* Помощникъ командующаго войсками С.-Петербургскаго военнаго округа ген. Газенкампфъ писалъ, что „казнить мелкихъ грабителей изъ уличныхъ подонковъ — значить не только ронять грозное значеніе смертной казни, но ещё и утверждать въ массахъ мнѣніе, что правительство только устрашеніемъ на устрашеніе“. П. А. Столыпинъ (10.II.1908) отвѣтилъ: „Не могу съ Вами согласиться. Грабѣжъ и разбой, въ которые вылилось въ настоящее время охватившее Россію въ 1905 г. революціонное движеніе, должны быть уничтожены безпощадно“.

огромнымъ большинствомъ отвергла предложеніе о бойкотѣ выборовъ по новому закону.

Оппозиціонная печать — соблюдая извѣстную сдержанность въ выраженіяхъ ввиду новыхъ правилъ о наложеніи штрафовъ въ административномъ порядкѣ — подчёркивала расхожденіе манифеста 3 іюня съ Основными Законами, о чѣмъ говорилось и въ самомъ манифестѣ. Оппозиція выражала возмущеніе по поводу „нарушенія законности“. Но протесты со стороны тѣхъ, кто на роспускъ Первой Думы — произведѣнный на строгомъ основаніи закона — поспѣшили отвѣтить призывомъ не платить налоговъ и не поставлять рекрутовъ, не могли звучать особенно убѣдительно.

Революція была побѣждена — не только въ матеріальномъ, внѣшнемъ смыслѣ. Былая коалиція оппозиціонныхъ силъ — объединившая земства, города, интеллигенцію и торгово-промышленную среду съ революціонными партіями — распалась, и даже интеллигенція впервые послѣ долгихъ десятилѣтій — усумнилась въ своихъ традиціонныхъ вѣрованіяхъ.

Поправленіе въ органахъ земскаго и городского самоуправления обозначилось уже съ начала 1906 г., каждые новые выборы давали всё болѣе правые результаты. „Третій элементъ“ негодовалъ, газеты писали о „реакціи“, о пробудившихся „классовыхъ“ чувствахъ землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ, — но фактъ былъ налицо: тѣ самые круги, которые недавно считались главной опорой „освободительнаго движенія“, теперь заявляли себя сторонниками власти и даже порою оказывались правѣе нея. То же наблюдалось и въ торгово-промышленномъ мірѣ — какъ среди русскихъ предпринимателей, такъ и среди иностранцевъ. „Зажиточные классы... конечно, предпочитаютъ Дурново или Столыпина Хрусталёву“, — писала „Русская Мысль“. „Два года смуты отрезвили до неузнаваемости большинство капиталистовъ“, — отмѣчалъ въ концѣ іюня 1907 г. екатеринославскій губернаторъ А. М. Клингенбергъ въ своей запискѣ о роли иностранныхъ капиталистовъ въ революціонныхъ организаціяхъ*.

* Клингенбергъ, однако, добавлялъ: „Смута окончательно искоренится лишь тогда, когда революціоннымъ рабочимъ организаціямъ будутъ противопоставлены контрреволюціон. рабочія организаціи, подъ какимъ бы девизомъ онѣ ни создавались“.

Черезъ недѣлю послѣ роспуска 2-й Думы, 11 іюня, въ Москвѣ открылся сѣздъ земскихъ дѣятелей — первый послѣ ноября 1905 г. 32 губернскихъ земства (изъ 34-хъ) избрали делегатовъ для участія въ нёмъ. Сѣздъ, такимъ образомъ, болѣе точно отражалъ мнѣніе земствъ, нежели прежніе сѣзды, гдѣ многія губерніи были представлены лицами, не имѣвшими правильныхъ полномочій. Перемяна оказалась очень рѣзкой*. Сѣздъ началъ свои работы съ вѣрноподданнической телеграммы Государю, обѣщая „приложить всѣ силы, чтобы помочь Вашему Величеству водворить правду, миръ и благоденствіе въ отчизнѣ нашей, измученной отъ смуты, разбоевъ и разоренія“. Сѣздъ привѣтствовалъ также П. А. Столыпина и, въ лицѣ военного министра, „твёрдый оплотъ отечества и порядка — вѣрную Царю доблестную армію“.

„Въ тёмное время, когда многихъ охватило уныніе“, — говорилъ на банкетѣ участниковъ сѣзда А. И. Гучковъ, — „появился человекъ, который, несмотря на всѣ трудности, на гибель семьи, на всѣ клеветы, понялъ положеніе и взялъ правильный путь. Если мы присутствуемъ при послѣднихъ судорогахъ революціи, — а она, несомнѣнно, приходитъ къ концу, — этимъ обязаны мы этому человеку“. Другой делегатъ провозгласилъ тостъ за адм. Дубасова и Семёновскій полкъ, „благодаря которымъ мы имѣемъ теперь возможность собраться здѣсь въ Москвѣ“.

На земскомъ сѣздѣ правительственный проектъ земской реформы (предназначавшійся для 2-ой Думы) подвергся рѣзкой критикѣ справа. Сѣздъ высказался противъ намѣченного расширенія избирательнаго права и только съ большими оговорками одобрилъ предположеніе о мелкой земской единицѣ. Была внесена резолюція объ осужденіи террора; лѣвая часть сѣзда возражала, что данное собраніе не уполномочено обсуждать этотъ вопросъ (среди возражавшихъ оказался и М. А. Стаховичъ), но огромнымъ большинствомъ резолюція противъ террора была принята.

Земскій сѣздъ показалъ разительную перемяну настроеній въ земской средѣ. Лѣвая печать приписывала эту перемяну „классовому страху“ передъ аграрными волненіями; но перемяна въ такой же степени объяснялась — удовлетвореніемъ проведёнными реформами.

* Составъ сѣзда былъ слѣдующій: 33 правыхъ, 33 умѣренныхъ, 44 октябриста, 4 мирнообновленца, 10 к.-д.

Земскій сѣздъ 1907 г. рассматривался какъ „преддумье“. Онъ отразилъ возрѣніе именно той среды, которая по новому избирательному закону приобрѣтала рѣшающее значеніе. Для выборовъ въ Третью Думу стали слагаться новыя группировки. Октябристамъ выпадала роль центра, и слѣва начали раздаваться голоса о желательности блока октябристовъ и к.-д. для защиты конституціонныхъ началъ. Кн. Е. Н. Трубецкой, газета „Слово“, партія мирнаго обновленія призывали „своихъ сосѣдей слѣва и справа“ къ дѣловому предвыборному сговору.

Но, несмотря на значительное сходство программъ, такое соглашеніе было невозможно: именно между к.-д. и октябристами ещё съ осени 1905 года происходила линія политическаго водораздѣла. Октябристы стояли за поддержку правительства въ борьбѣ съ революціей и затѣмъ признали актъ 3 іюня необходимостью, хотя и „прискорбной“; к.-д. оставались рѣзко враждебными къ власти и ещё во Второй Думѣ чаще голосовали вмѣстѣ съ революціонными партіями, нежели съ правыми.

Между октябристами и правыми организациями (Союзомъ Русскаго Народа и другими), принципиально стоявшими на точкѣ зрѣнія неограниченной царской власти, находились слабо организованныя группы умѣренныхъ и правыхъ, признававшихъ новый строй, но не склонныхъ его отстаивать противъ власти, а тѣмъ паче углублять его.

Выборы въ Третью Думу происходили въ сентябрѣ и октябрѣ. Въ большихъ городахъ (во второй куріи) боролись к.-д. и лѣвые. П. Н. Милюковъ — примѣрно съ этого времени занявшій постъ безспорнаго лидера партіи — выступилъ въ „Рѣчи“ съ рѣзкой статьёй по адресу крайнихъ лѣвыхъ. Напомнивъ о прежнемъ сотрудничествѣ съ ними, П. Н. Милюковъ писалъ: „Всей этой нашей дѣятельностью мы приобрѣли право сказать теперь, что, къ великому сожалѣнію, у насъ и у всей Россіи есть враги слѣва... Тѣ люди, которые разнуздали низкіе инстинкты человѣческой природы и дѣло политической борьбы превратили въ дѣло общаго разрушенія, суть наши враги... И мы сами себя враги, если по какимъ бы то ни было соображеніямъ захотимъ непремѣнно, по выраженію извѣстной нѣмецкой сказки, тащить осла на собственной спинѣ“. Лѣвые не оставались въ долгу и укоряли к.-д. въ томъ, что они заговорили такимъ языкомъ только послѣ пораженія революціи...

И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ по первой куріи прошли октябристы, по второй к.-д.* Соотношеніе голосовъ въ большихъ городахъ мало переѣнилось. Зато губернскія избирательныя собранія дали ожидаемый результатъ: свыше двухъ третей мѣстъ получили октябристы и правые, имѣвшіе въ Второй Думѣ всего около одной пятой. Новое народное представительство состояло, въ огромномъ большинствѣ, изъ людей, избранныхъ подъ флагомъ сотрудничества съ властью, а не борьбы съ нею**.

Изъ 442 членовъ Думы было около 300 октябристовъ и болѣе правыхъ (тѣхъ и другихъ примѣрно поровну). Оппозиціонныя партіи одержали верхъ только въ Сибири, на Кавказѣ, въ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ, а также въ районѣ Урала (Пермская, Вятская, Уфимская, Оренбургская губ.); къ этому присоединилось 9 депутатовъ отъ большихъ городовъ и 6 отъ рабочей куріи***.

Сессія Третьей Думы открылась 1 ноября, безъ особой торжественности. Предварительныя совѣщанія показали, что въ Думѣ нѣтъ единаго большинства, имѣющаго общую программу. Октябристы и правые съ трудомъ договорились насчетъ выборовъ президіума; съ лѣвыми были весьма натянутыя отношенія. Всѣ же октябристы Н. А. Хомяковъ — сынъ

* Въ Москвѣ по первой куріи октябристы получили 2.100 голосовъ, к.-д. 1.800, правые 400; по второй — к.-д. 16.000, октябристы 6.000, лѣвые около 3.000, правые 2.000. Въ Петербургѣ по первой куріи октябристы имѣли 1.000, к.-д. 800, правые 300; по второй — к.-д. получили 20.000, окт. 9.000, лѣвые 8.000, правые 4.500.

** Составъ 3-ей Думы по фракціямъ (въ началѣ ея работы): правыхъ 50; націоналистовъ 26; умѣренно-правыхъ 71; октябристовъ 154; прогрессистовъ (мирнообновленцевъ) 28; к.-д. 54; трудовиковъ 13; с.-д. 20; инородческихъ группъ: поляковъ 11, польск.-лит. группы 7, мусульманъ 8. Т.о., правыхъ было 147, центра 154, лѣвыхъ 141 (изъ 442). Впослѣдствіи произошли нѣкоторыя переѣнны; особенно уменьшилась фракція октябристовъ.

*** Выборщики отъ рабочей партіи избирались съѣздами уполномоченныхъ. На всѣхъ этихъ съѣздахъ большинство имѣли с.-д. Такъ какъ избраніе одного депутата отъ этой куріи было обязательнымъ, а всѣ рабочіе выборщики, кромѣ намѣченнаго партіей кандидата, отказывались баллотироваться — правыя губернскія собранія были вынуждены избирать въ Думу с.-д.

извѣстнаго славянофила и крестникъ Гоголя — былъ избранъ предсѣдателемъ Думы почти единогласно. По соглашенію съ правыми октябристы получили еще постъ второго товарища предсѣдателя, правые — посты старшаго товарища предсѣдателя, секретаря и его старшаго помощника. Лѣвымъ достались мѣста только младшихъ помощниковъ секретаря; к.-д. ввиду этого отказались участвовать въ президіумѣ*.

П. А. Столыпинъ просилъ Государя принять членовъ новой Г. Думы; но Государь отвѣтилъ: „Теперь принимать еѣ рано, она себя еще недостаточно проявила, — проявила въ смыслѣ возлагаемыхъ Мною на неѣ надеждъ для совмѣстной работы съ правительствомъ. Слѣдуетъ избѣгать преждевременныхъ выступленій съ Моей стороны и прецедентовъ“.

Ближайшіе же дни показали, что представители центра Г. Думы дѣйствительно были настроены не совсѣмъ такъ, какъ того желалъ Государь.

Во время своихъ избирательныхъ кампаній октябристы не разъ ставили въ укоръ двумъ первымъ Думамъ, что онѣ даже не сказали Царю „спасибо“ за введеніе народного представительства. Въ первые же дни сессіи октябристы вмѣстѣ съ частью правыхъ внесли предложеніе о составленіи привѣтственнаго адреса Государю отъ имени Г. Думы. Это предложеніе, возникшее изъ самыхъ лояльныхъ побужденій, неожиданно стало поводомъ для серьезнаго политическаго конфликта. Въ комиссіи по составленію адреса правые настаивали на томъ, чтобы въ его текстъ было включено слово „самодержавіе“, к.-д. требовали упоминанія слова „конституція“. Соглашеніе въ комиссіи достигнуто не было; и 13 ноября въ общемъ собраніи Думы начались пренія, принявшія вскорѣ бурный характеръ. Вышло такъ, что Дума, по существу, обсуждала вопросъ — самодержавный или конституціонный строй въ Россіи.

А. И. Гучковъ произнесъ рѣчь, въ которой опредѣленно сталъ на конституціонную точку зрѣнія, хотя и возражалъ противъ включенія этого термина въ адресъ. Правые ораторы, со своей стороны, придали огромное, принципиальное значеніе слову „самодержавный“. „Титулъ самодержца есть, и вы, отвергая

* Составъ президіума III Думы: предсѣдатель Н. А. Хомяковъ; тов. предсѣдателя кн. В. М. Волконскій и бар. М. Ф. Мейендорфъ; секретарь проф. И. П. Сазановичъ; ст. пом. секр. Г. Г. Замысловскій.

его, будете сами нарушителями Основныхъ Законовъ“, — заявилъ Н. Е. Марковъ. — „Если слово самодержавецъ будетъ отвергнуто, мы не примемъ вашего адреса“.

Засѣданіе затянулось до глубокой ночи. Горячую рѣчь произнёсъ знаменитый адвокатъ Ѳ. Н. Плевако. Обращаясь къ правымъ, онъ напомнилъ, что самъ Государь далъ Думѣ законодательныя права: „Онъ скажетъ вамъ — вы дѣти. Я далъ вамъ тогу мужа, а вы снова просите дѣтскую рубашку!“ Расхожденія между правыми и центромъ проявлялись всё рѣзче. Тогда к.-д. и прогрессисты общали октябристамъ голосовать за адресъ, если слово „самодержавіе“ не будетъ въ него включено. И предложеніе правыхъ поставить въ заголовкѣ адреса „Его Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссійскому“ было отвергнуто большинствомъ 212 противъ 146 голосовъ. Послѣ этого правые отказались участвовать въ принятіи адреса и отправили Государю (за 114 подписями) отдѣльное обращеніе. Благодарственный адресъ былъ принятъ совершенно неожиданнымъ большинствомъ изъ центра и лѣвыхъ.

Это голосованіе произвело огромное впечатлѣніе. Лѣвая печать ликовала. К.-д. „Рѣчь“ писала, что Дума „въ ночь съ 13 на 14 ноября положила грань межеумочному состоянію великой страны и на 25-мъ мѣсяцѣ россійской конституціи объявила, что конституція на Руси дѣйствительно существуетъ“. — „Самодержавіе погибло на Руси безповоротно“, — восклицалъ „Товарищъ“. „Русь“ писала о „сошествіи на октябристовъ духа народнаго“; въ „Московскомъ Ежедневникѣ“ кн. Гр. Н. Трубецкой отмѣчалъ: „Манифестъ 17 октября окончательно зарегистрированъ въ Россіи въ памятный день 13 ноября“.

„Первая побѣда лѣвыхъ — неожиданная и громовая“, — писалъ въ „Новомъ Времени“ М. Меньшиковъ. — „Взамѣнъ неудачной осады власти начнутъ японскій обходъ ея, — обходъ какъ будто совершенно мирный, лояльный, преданный — только позвольте связать васъ по рукамъ и ногамъ!..“

Государь былъ сильно возмущёнъ тѣмъ, что Дума, за лояльность которой такъ недавно ручался Ему Столыпинъ, могла ставить на голосованіе — и отвергать! — Его титулъ, закрѣплённый въ Основныхъ Законахъ. На всѣмъ отношеніи Государя къ новой Думѣ, и къ партіи октябристовъ въ частности, этотъ инцидентъ оставилъ глубокой слѣдъ.

Но это большинство, которое сложилось 13 ноября, совершенно не соответствовало общей политической обстановкѣ. Въ пылу борьбы октябристы проголосовали вмѣстѣ съ к.-д.; по существу они оставались ихъ противниками. Они хотѣли сотрудничать съ властью и бороться съ революціей. Подъ этимъ флагомъ они и побѣдили на выборахъ. Имъ было по пути не съ лѣвыми, а съ правыми. Голосованіе 13 ноября имѣло принципиальный, декларативный характеръ, — но оно не могло переимѣнить партійныя взаимоотношенія.

При иномъ премьерѣ новая Дума всё же легко могла бы соскользнуть на оппозиціонныя рельсы и зайти въ тупикъ; но П. А. Столыпинъ сумѣлъ возстановить положеніе. Онъ искренне вѣрилъ въ необходимость представительнаго строя; онъ считалъ, что въ Думѣ есть большинство, желающее сотрудничать съ властью, что лучшей Думы безъ опасныхъ потрясеній всё равно сейчасъ не добиться. Октябристамъ П. А. Столыпинъ далъ понять, что дальше извѣстной черты онъ не можетъ пойти имъ навстрѣчу: если они не хотятъ разрыва съ властью, они должны прежде всего избѣгать союза съ ея открытыми противниками, — того союза, который неожиданно возникъ въ засѣданіи 13-го ноября.

16 ноября, всего черезъ три дня послѣ памятнаго голосованія объ адресѣ, П. А. Столыпинъ выступилъ въ Думѣ съ министерской деклараціей; центръ и правые встрѣтили и проводили его шумной оваціей и нѣсколько разъ прерывали его аплодисментами.

„Историческая самодержавная власть и свободная воля Монарха“, — говорилъ премьеръ, — „являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана въ минуты потрясеній и опасности для государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды“. — „Самодержавіе московскихъ царей“, — говорилъ далѣе П. А. Столыпинъ, — „не походитъ на самодержавіе Петра, точно такъ же, какъ и самодержавіе Петра не походитъ на самодержавіе Екатерины II и Царя Освободителя. Русское Государство росло и развивалось изъ своихъ собственныхъ русскихъ корней, и вмѣстѣ съ ними, конечно, видоизмѣнялась и развивалась и Верховная Царская власть.“

Нельзя къ нашимъ русскимъ корнямъ, къ нашему русскому стволу прикрѣплять какой-то чужестранный цвѣтокъ. Пусть расцвѣтѣтъ нашъ родной русскій цвѣтъ, пусть онъ расцвѣтѣтъ и развернѣтся подъ вліяніемъ взаимодѣйствія Верховной Власти и дарованнаго ею новаго представительнаго строя“.

И думское большинство — изъ центра и правыхъ — шумно привѣтствовало всѣ эти слова председателя Совѣта Министровъ; своё отношеніе къ его личности оно проявило ещё болѣе ярко на слѣдующій день, когда к.-д. ораторъ Родичевъ, отвѣчая премьеру, сдѣлалъ личный выпадъ противъ него. Депутаты повскакали съ мѣстъ; раздались крики: „вонъ! долой!“ — и хотя Родичевъ принёсъ Столыпину извиненія, его всё же исключили на 15 засѣданій.

Только послѣ этихъ засѣданій (16 и 17 ноября), показавшихъ, что думское большинство объединяется вокругъ П. А. Столыпина, смягчилъ понемногу своё отрицательное отношеніе къ Думѣ и самъ Государь.

Онъ поставилъ на думскомъ адресѣ сухую помѣтку: „Готовъ вѣрить выраженнымъ чувствамъ. Ожидаю плодотворной работы“. На телеграмму правыхъ депутатовъ Онъ отвѣтилъ благодарностью: „Вѣрю“, — писалъ Онъ, — „что созданная Мною Дума обратится на путь труда и въ строгомъ подчиненіи установленнымъ Мною Основнымъ Законамъ оправдаетъ Мои надежды“. 19 ноября Государь впервые принялъ председателя Н. А. Хомякова, и пріёмъ, какъ отмѣчали газеты, былъ высокомиловиднымъ.

Послѣ этого Дума закончила пренія по министерской деклараціи, — причѣмъ всѣ предложенныя формулы перехода оказались отвергнутыми — даже формула октябристовъ (большинствомъ 182 лѣвыхъ и правыхъ противъ 179 голосовъ центра).

Послѣ преній объ адресѣ жизнь Третьей Думы вошла въ колею. Опредѣлилось, что думское большинство состоитъ изъ октябристовъ и правыхъ.

Октябристы были самой многочисленной фракціей и занимали положеніе руководящаго центра. Въ ихъ средѣ были и болѣе лѣвые, близкіе къ мирнообновленцамъ, и болѣе правые, часть которыхъ голосовала 13 ноября противъ своихъ лидеровъ. Но признаннымъ вождёмъ партіи и вообще наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ всей Третьей Думы былъ, несомнѣнно, А. И. Гучковъ. Онъ болѣе говорилъ на фракціонныхъ за-

сѣданіяхъ, чѣмъ въ общихъ собраніяхъ Думы. „Руководитель Третьей Думы скупъ на выступленія“, — отмѣчала А. В. Тыркова въ „Русской Мысли“. — „Нѣтъ сомнѣнія, что его рука направляетъ курсъ тяжёлага, окружённаго рифами корабля. Но самъ онъ только изрѣдка показывается на капитанскомъ мостикѣ“. А. И. Гучковъ былъ опредѣлённымъ сторонникомъ конституціоннаго строя и расширения правъ Г. Думы. Но добиваться этой цѣли онъ хотѣлъ постепенно, безъ революціонныхъ потрясеній. Дума, по его мысли, должна была „врасти“ въ государственный строй. Для этого было необходимо сотрудничать съ властью, заниматься дѣловой повседневной работой и избѣгать тона предвзятой и однообразной критики, которая какъ бы составляла обязанность оппозиціонныхъ партій.

Фракція октябристовъ насчитывала въ своихъ рядахъ не мало видныхъ ораторовъ и ещё больше дѣловыхъ работниковъ, пріобрѣтшихъ долгій опытъ въ земской и городской дѣятельности: Н. В. Савичъ, проф. М. М. Алексѣенко, Е. П. Ковалевскій, бар. А. Ф. Мейендорфъ, гр. А. А. Уваровъ, В. К. фонъ Анрепъ и др.

Правое крыло палаты было „демократичнѣе“ по своему составу: въ нёмъ было много крестьянъ и священниковъ. Только человекъ пятьдесятъ составили фракцію правыхъ, стоящую на позиціи Союза Русскаго Народа, критически относившуюся къ министерству Столыпина и готовую сыграть роль „оппозиціи справа“. Правые не имѣли признаннаго единого лидера, ихъ руководители часто враждовали между собою; главными ихъ ораторами были Г. Г. Замысловскій, Н. Е. Марковъ, В. М. Пуришкевичъ, В. В. Шульгинъ.

Умѣренно-правые — и примыкающая къ нимъ справа небольшая группа націоналистовъ — насчитывали до ста депутатовъ; ихъ лидеромъ — выступавшимъ ещё рѣже, нежели А. И. Гучковъ, былъ П. Н. Балашовъ, главными ораторами — гр. В. А. Бобринскій, епископъ Евлогій, П. Н. Крупенскій. Умѣренно-правые вмѣстѣ съ октябристами составляли основное „столыпинское“ большинство Третьей Думы. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда націоналисты голосовали съ правыми и оба крыла Думы объединялись противъ центра, — октябристы и умѣренно-правые оставались въ меньшинствѣ, какъ это и случилось во время преній по министерской деклараціи.

Оппозицію составляли весьма разнородные группы. Прогрессисты (мирнообновленцы) были близки к левым октябристам и в некоторых случаях голосовали вместе с думским большинством; лучшим их оратором был Н. Н. Львов. К.-д., лишённые той руководящей роли, которую они играли в двух первых Думах, оставались наиболее крупной оппозиционной партией. П. Н. Милоков — впервые избранный только в Третью Думу — занимал положение лидера, тогда как наиболее видными ораторами считались Ю. И. Родичев, А. И. Шингарёв, В. А. Маклаков (представитель правого крыла фракции).

Съ кадетами обычно голосовала и мусульманская группа. Поляки, наоборот, держались обособленно, подчёркивая, что они представители не русского, а польского народа.

Крайних левых было 34, но состав обоих фракций был на редкость безцветным. У трудовиков был главным оратором литовец Булат, а у с.-д. — грузины Чхеидзе и Гегечкори.

Отношения между большинством и оппозицией были натянуты. Большинство устроило в начале 1908 г. демонстрацию против Милокова, который во время рождественских каникул ѣздил в Соед. Штаты и читал там лекции о русском „освободительном движении“. Правая печать возмущалась такой „апелляцией к иностранцам“, и при появлении Милокова на трибуне большинство депутатов покинуло зал заседаний.

Думское большинство проявило своё недовольство к оппозиции при выборах комиссии государственной обороны: вопреки общему соглашению о пропорциональных выборах, октябристы и правые не пропустили в эту комиссию ни с.-д., ни трудовиков, ни поляков, ни даже к.-д., считая, что этим партиям нельзя доверять секретные военные сведения. Комиссия государственной обороны, во главе которой стоял сам Гучков, получила затём немалое значение.

Октябристы и правые не пропускали случая выразить свои вёрноподданнические чувства. В начале января 1908 г. триста депутатов представлялись Государю в Царскосельском дворце.

Государь доверил П. А. Столыпину сношения с Думой и

отвергал все попытки апеллировать к Нему лично. На адрес московского дворянства, принятый правым большинством (в январе 1908 г.), Он ответил: „Уверен, что дворянство московское честно сослужит Мне, как и встарь, ожидаемую Мною от него службу и посвятит все свои силы проведению в жизнь предужазаний Моих по обновлению и укреплению государственного строя нашей великой России“.

„Впечатление отличное“, — сказал по этому поводу А. И. Гучков. — „Высочайшая отставка — лучшее доказательство прочности конституционного строя“.

Думское большинство вообще относилось весьма ревниво к своим правам (хотя левая печать по привычке утверждала обратное). Когда возник вопрос о возможности сокращения штатов одного ведомства, установленных указом в период между двумя Думами, лидер умрнно-правых гр. В. А. Бобринский предложил сократить эти штаты на один рубль, чтобы подчеркнуть право Думы на такое решение. Это сокращение было прозвано „конституционным рублём“.

Обсуждение бюджета вообще давало Думе большое влияние на весь государственный аппарат. Отдельные ведомства буквально дрожали перед бюджетной комиссией, которая могла урезать штаты и ассигновки. В общем собрании, при обсуждении смет отдельных министерств, публичной критике подвергалась вся их деятельность; ораторам оппозиции тут открывались широкие возможности, которыми они и пользовались для своей пропаганды, тем более что левая печать их речи приводила полностью, а все остальные сильно сокращала.

Дума обратила с первого же года особое внимание на нужды народного образования, внесла в смету новый 8-миллионный кредит на народные школы. Комиссия государственной обороны, работая при закрытых дверях, установила живое общение с военным ведомством и широко шла навстречу пожеланиям армии.

Между П. А. Столыпиным и думским большинством установилось дружное взаимодействие. Выработался даже особый условный язык: то, что думскому центру не нравилось в действиях власти, — приписывалось неким „безответственным влиянием“. Премьер путём угрозы подать в отставку мог добиться от думского большинства почти любой

уступки (конечно, такіе переговоры велись только въ частномъ порядкѣ; ставить въ Думѣ „вопросъ о довѣріи“ Столыпинъ, разумѣется, не могъ). Такъ, во время преній о ревизіи желѣзныхъ дорогъ П. Н. Милюковъ потребовалъ созданія „парламентской слѣдственной коммисіи“, на что министръ финансовъ В. Н. Кокцовъ замѣтилъ: „У насъ, слава Богу, нѣтъ парламента“. Предсѣдатель Думы Н. А. Хомяковъ назвалъ эти слова „неудачными“; министры стали на точку зрѣнія, что имъ нельзя дѣлать замѣчаній, и Столыпинъ заявилъ, что подастъ въ отставку, если Дума не найдётъ пріемлемый выходъ изъ положенія. Инцидентъ былъ ликвидированъ тѣмъ, что Н. А. Хомяковъ въ Думѣ „покаялся“ въ допущенной имъ ошибкѣ.

При обсужденіи смѣты военнаго министерства А. И. Гучковъ выступилъ съ рѣзкой критикой того факта, что во главѣ ряда высшихъ военныхъ учреждений стоятъ лица, „безотвѣтственные по своему положенію“, т. е. Великіе Князья. Гучковъ особенно нападалъ на совѣтъ государственной обороны, предсѣдателемъ котораго состоялъ В. К. Николай Николаевичъ. Въ данномъ случаѣ эта критика отчасти соотвѣтствовала видамъ премьера и военнаго министра Редигера.

Думское большинство пошло навстрѣчу желаніямъ Государя въ вопросѣ о постройкѣ Амурской желѣзной дороги и взяло на себя починъ пересмотра отношеній между Имперіей и Финляндіей, внеся по этому поводу запросъ на имя Столыпина.

За первую сессію только по одному вопросу возникло серьёзное разногласіе между Думой и властью. Государь считалъ нужнымъ возможно скорѣе приступить къ воссозданію флота, и въ Думу былъ внесёнъ проектъ постройки четырёхъ линейныхъ кораблей новаго типа („дредноутовъ“). Дума отклонила этотъ проектъ, требуя предварительныхъ реформъ въ морскомъ вѣдомствѣ.

Государь былъ очень этимъ недоволенъ. Онъ писалъ Столыпину, что Ему „очень хотѣлось отписать крѣпкое слово“ Г. Думѣ „за ея слѣпое и ничѣмъ не оправдываемое отклоненіе кредита на воссозданіе флота — и это какъ разъ наканунѣ прібытія короля англійскаго“. Онъ, однако, только предоставилъ правительству добиться восстановленія кредита въ обычномъ законодательномъ порядкѣ.

П. А. Столыпинъ въ Гос. Совѣтѣ по этому поводу говорилъ: „Всѣ тѣ доводы и соображенія, которые приводятся для того, чтобы побудить законодательныя учрежденія къ отклоненію кредита, имѣютъ цѣлью побудить правительство принять мѣры чисто исполнительнаго характера, которыя зависятъ отъ Верховной Власти. Говорятъ: сдѣлайте то-то, и деньги получите...“ Премьеръ указывалъ, что это ведётъ къ парламентаризму: „Опаснѣе всего былъ бы безсознательный переходъ къ нему путёмъ созданія прецедентовъ“.

Дума, однако, не уступила въ вопросѣ о дредноутахъ, и этимъ замѣтно затормозила воссозданіе флота. Но это за первый годъ былъ единственный серьёзный конфликтъ.

„Пока во главѣ правительства Столыпинъ“, — писалъ о Третьей Думѣ кн. В. П. Мещерскій, — „она будетъ смѣшной, будетъ дерзкою, будетъ глупою и, думаю, сумѣетъ *à la longue* быть разумной, но опасною её врядъ ли можно считать...“

Зимой 1907–08 г. закончилась ликвидація ряда дѣлъ, связанныхъ съ революціей и войной. Соціалъ-демократы Второй Думы за попытку созданія революціонной организаціи въ арміи были приговорены къ каторжнымъ работамъ на сроки отъ 4 до 5 лѣтъ. Участники Крестьянскаго союза за пропаганду аграрныхъ безпорядковъ были осуждены на годъ и три мѣсяца заключенія въ крѣпости.

Членовъ Первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, приговорили всего къ трёмъ мѣсяцамъ заключенія въ крѣпости (болѣе чувствительной карой было, однако, связанное съ этимъ лишеніе избирательныхъ правъ). „Обвинили въ поджогѣ отечества, а наказали, какъ за неосторожную ѣзду по городу“, — писалъ объ этомъ приговорѣ „Товарищъ“. „Да вѣдь въ результатѣ и была лишь неосторожная ѣзда, только не по городу, а за городъ“, — отозвалось „Новое Время“.

Процессъ ген. Стесселя и другихъ чиновъ команднаго состава Портъ-Артурской крѣпости тянулся болѣе двухъ мѣсяцевъ. Ген. Стессель за сдачу Портъ-Артура былъ приговорёнъ къ смертной казни, но кара была смягчена до 10 годовъ крѣпости. Остальные были оправданы. (Такъ же закончился, нѣсколько позже, и процессъ адм. Небогатова, сдавагося послѣ Цусимы съ остатками эскадры.)

СОДЕРЖАНИЕ

Часть III

Думская монархія 1907–1914

Глава тринадцатая	5
Глава четырнадцатая	36
Глава пятнадцатая	70
Глава шестнадцатая	110
Глава семнадцатая	146

Часть IV

Міровая война 1914–1917

Глава восемнадцатая	189
Глава девятнадцатая	232
Глава двадцатая	279
Глава двадцать первая	314

Вмѣсто послѣсловія. Слово памяти Государя (сказанное на собраніи народно-монархичес- каго союза 22 ноября 1921 г.)	343
--	-----

Сборникъ писемъ и статей С. С. Ольденбурга 1921–1939

Экономическое положеніе и общественные классы Совѣтской Россіи (1921 г.)	366
Изъ писемъ С. С. Ольденбурга П. Б. Струве	400

Общее политическое положеніе (1925 г.)	411
Интернаціональ и международное хозяйство (1925 г.) ..	414
Существо коммунистической власти (1926 г.)	417
1926 годъ (1927 г.)	426
Пуанкаре о русской революціи (1932 г.)	430
Программа Хитлера (1932 г.)	435
Очередная задача зарубежья (1936 г.)	441
Испанскій примѣръ (1936 г.)	444
Горькая годовщина (1936 г.)	448
На вѣрномъ пути (1936 г.)	451
Въ другомъ разрѣзѣ (1937 г.)	454
Ошибка глазомѣра (1937 г.)	457
Двѣ формулы (1937 г.)	460
Фальшь (1938 г.)	463
Вождь (1938 г.)	465
Испанская побѣда (1939 г.)	468
Испанскій урокъ (1939 г.)	471
Факты (1939 г.)	473
Гнилая балка (1939 г.)	476
Книга о Государынѣ (1939 г.)	478
Подъ знакомъ тревоги (1939 г.)	480

ОЛЬДЕНБУРГЪ Сергѣй Сергѣевичъ
Царствованіе Императора Николая II
Томъ 2

Предисловіе Е. А. Просвирнинъ
Дизайнъ переплёта Г. Н. Гиль
Подборъ статей Д. Н. Бастраковъ
Біографія А. И. Шанявскій
Техническій редакторъ, вёрстка Т. Р. Вѣнковъ
Корректурa М. С. Тейкинъ
Наборъ Е. Н. Виноградова
Главный редакторъ Д. Н. Бастраковъ

Вы прочитали фрагмент книги Сергея Сергеевича Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» в двух томах. В полной версии книги 432 страницы в первом томе и 488 во втором.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:

chernaya100.com

Редакция издательства выражает благодарность нашим читателям и друзьям, которые помогали нам съ поискомъ дополнительныхъ матеріаловъ для книги. Благодаримъ Шанявскаго Алексѣя Ивановича за предоставленную біографію С. С. Ольденбурга, Индіенко Артёма Валерьевича за работу въ архивахъ и юношескіе стихи С. С., а также Алексѣя Губина, Дмитрія Бѣлявскаго, Людмилу Катину, Антона Лестева, Евгенія Григорьева и Данила Кретьова. Мы очень цѣнимъ вовлечѣнность читателей въ наше общее дѣло.

Сайтъ и магазинъ:
www.chernaya100.com

Телеграмъ-каналъ:
t.me/chernaya100

Сообщество ВъКонтактѣ:
www.vk.com/chernaya100

